СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Ивана Глазунова.

1819 года.

Новымъ изданіемъ печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюля 4 дня 1819 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

ФИНГАЛЪ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

СЪ

ХОРАМИ и ПАНТОМИМНЫМИ БАЛЕТАМИ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ Придворномъ Театрѣ Декабря 8 дня 1805 года.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
печатано въ Типографіи Ивана Глазунова
1816 года.

Новымъ изданіемъ печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Марта 14 дня, 1816 года.

Цензоръ, *Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ*
Ив. Тимковскій.

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ.

Съ совѣта твоего, Оленинъ, я рѣшился
Народовъ сѣверныхъ Ахилла описать,
И пышность зрѣлищу приличную придать.
Твоею дружбою гласъ слабый оживился,
И къ пѣснямъ Бардовъ я склонилъ прельщенный слухъ,
Что бы извлечь черты разительны, унылы,
Въ которыхъ Оссіанъ явилъ Фингаловъ духъ,
Подъ строемъ звучныхъ Арфъ, близь отческой могилы.
Ахъ! естьли бы, ему подобно, не умолкъ
И мой несмѣлый гласъ, нестройный, безъ искуства,
Я льстился бы тогда, платя сей дружбы долгъ,
Что переживутъ меня мои сердечны чувства.

Владиславъ Озеровъ.

ФИНГАЛЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

СТАРНЪ, Царь Локлинскій.	*Г. Щушеринъ.*
МОИНА, дочь его.	*Г-жа Семенова.*
ФИНГАЛЪ, Царь Морвенской.	*Г. Яковлевъ.*
УЛЛИНЪ, Бардъ Фингаловъ.	*Г. Самойловъ.*
КОЛЛА, наперстникъ Старновъ.	*Г. Шараповъ.*
МОРНА, наперсница Моины.	*Г-жа Петрова.*
ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ Оденовъ.	*Г. Рыкаловъ.*
Дѣва Локлинская.	*Г-жа Самойлова.*
КАРИЛЛЪ, изъ воиновъ Старновыхъ.	*Г. Валбергъ.*

ЖРЕЦЫ.

БАРДЫ или СКАЛЬДЫ Старновы.

БАРДЫ Фингаловы.

ВОИНЫ Локлинскіе.

ВОИНЫ Морвенскіе.

НАРОДЪ Локлинскій.

ДѢВЫ Локлинскія.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Локлинской.

ДѢИСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ палату, открытую сводами въ садъ; въ дали видны на возвышеніяхъ храмъ Оденовъ и холмъ могильный.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Моина сидящая, Морна, Уллинъ, Барды, дѣвы Локлинскія.

Хоръ Бардовъ и Локлинскихъ дѣвъ.

Какое сильно дарованье
Во власти, красота, твоей?
Сердецъ, умовъ очарованье,
Веселье пламенныхъ очей,
И нѣжныхъ душъ, любовь, отрада
Отъ твоего родится взгляда.

Одна изъ дѣвъ Локлинскихъ.

Цвѣти, о красота Моины,
Какъ въ утро раннее, весной
Цвѣтутъ прелестныя долины
Благоуханной красотой.

Хоръ Бардовъ и дѣвъ.

Фингала сердце ты плѣнила,
И тишину намъ возвратила.

Моина.

О дѣвъ и Бардовъ сонмъ! не славьте красоту,
Сію обманчиву, прелестную мечту.
Она какъ слабый цвѣтъ, который украшаетъ
Видъ утренній пустынь, и къ полдню увядаетъ.

Гордиться можно ли Моинѣ красотой?
Единымъ только духъ гордиться можетъ мой,
Единымъ . . . . о Уллинъ! Фингаловъ Бардъ любимый,
Ты, коего прислалъ сей вождь непобѣдимый,
Во званьи мудраго и мирнаго посла,
Воспой геройскія Фингаловы дѣла.
Со дня, какъ мой отецъ, Локлинскихъ странъ владѣтель,
Мервенскаго Царя уважилъ добродѣтель,
Вручить меня ему священный далъ обѣтъ,
Желаю я, Уллинъ, что бы мнѣ цѣлый свѣтъ
Вѣщалъ, гласилъ, твердилъ о имени Фингала,
И слава бы его Моину восхищала.
Прими ты Арфу, Бардъ, воспламени свой духъ,
И дщери Старновой увеселяй ты слухъ.

Уллинъ.

Умолкни все въ странѣ подлунной,
Чтобъ гласы Арфы златострунной
По холмамъ дальнимъ пронеслись,
Въ пустыняхъ гуломъ раздались.
Пою Фингала дивны бои,
Его забавы юныхъ дней.
А вы, почившіе герои,
Покрытые сырой землей,
Возстаньте отъ могилъ безмолвныхъ,
На высотахъ явитесь холмныхъ.

Хоръ Бардовъ.

Ударили въ мѣдяный щитъ,
Ко брани гласъ обыкновенный;
Во броню ратникъ облеченный
Воинскимъ гнѣвомъ ужъ кипитъ.
Дубы столѣтни загорѣлись,
И тучи заревомъ одѣлись.

Уллинъ.

Встаетъ Морвена вождь, Фингалъ;
Оружье грозное пріялъ:
Стрѣла въ колчанѣ роковая,
На груди рдяна сталь видна,
Копье, какъ сосна вѣковая,
И щитъ, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ океаномъ,
И вся подернута туманомъ.

Хоръ Бардовъ.

Мѣлькаютъ, сѣются, падутъ
Враги предъ нимъ, какъ нѣки тѣни;
Иль быстроногіе елени
На зыби мшистыя бѣгутъ.
И стала вкругъ его равнина
Какъ смерти мрачная долина.

Уллинъ.

Падутъ, и не избѣгъ судьбинъ
И ты Тоскаръ, о Старновъ сынъ!
Локлинскихъ чадъ о грудь надежна!
Сонъ смерти скрылъ твой юный взоръ.
Ты палъ въ поляхъ, какъ глыба снѣжна
Съ крутыхъ отторгнутая горъ.
Паденья шумъ въ лѣсахъ раздался,
Высокій холмъ поколебался.

Моина.

(Встаетъ и перерываетъ пѣснь Уллина.)

Какую смерть, о Бардъ, напоминаешь мнѣ?
Тоскаръ, несчастный братъ, погибшій на войнѣ
Фингаловымъ мечемъ, мнѣ стоилъ слезъ довольно.

Уллинъ.

Фингаломъ нанесенъ ударъ тебѣ невольно.

Морна.

Онъ прелестей твоихъ еще тогда не зналъ.

Моина.

Конечно предо мной не виненъ въ томъ Фингалъ.
Случайность браней то, судьбы случайность гнѣвной.
Ахъ! естьлибъ мой отецъ о смерти сей плачевной
Забыть, утѣшиться отъ времени возмогъ,
Была бы я тогда, была бы безъ тревогъ.
Но нѣтъ; ни что отца не развлекаетъ муки:
Ни Бардовъ пѣніе, ни Арфъ согласны звуки,
Ни шумъ, восторгъ пиршествъ и чаши круговой;
И мрачный духъ его, питаяся тоской,
Ни въ чемъ успѣхъ не зритъ, ловитву забываетъ,
И гуловъ, ловчихъ гласъ въ лѣсахъ не возбуждаетъ.
Ему въ молчаніи засѣли, какъ во мглѣ,
Уныніе въ душѣ, и дума на челѣ . . .
Но онъ идетъ: въ сей день спокоитъ ли Моину?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Старнъ, Колла и прежніе.

Старнъ. (Моинѣ.)

О дочь! Фингалъ преплылъ чрезъ синихъ волнъ пучину.
Ладей его ни чемъ удержанъ не былъ бѣгъ,
И съ утренней зарей на нашъ вступилъ онъ брегъ.

(Къ Уллину.)

Уллинъ! Фингаловыхъ пѣвецъ сраженій дивныхъ,
Ты присланный ко мнѣ для предложеній мирныхъ,

Ты зрѣвшій здѣсь луной свершенны три пути,
Къ Фингалу можешь ты во срѣтенье итти.

(Даетъ знакъ Бардамъ, чтобъ удалились.)

А ты, о дочь! во храмъ будь шествовать готова:
Сверши обязянность Фингалу данна слова.
Онъ требовалъ, чтобъ я вручилъ тебя ему
Въ тотъ день, какъ взору онъ предстанетъ моему;
Къ нетерпѣливости моей насталъ день нынѣ.

Моина.

Въ сей самый день? восторгъ! благодарю судьбинѣ.

Старнъ.

Такъ ты Фингаловой отвѣтствуешь любви?

Моина.

Ахъ! неизвѣстный огнь пролитъ въ моей крови
Со дня, мнѣ памятна, какъ вождь племенъ Морвена
Намъ ужасомъ грозивъ иль смерти, или плѣна,
Всѣ холмы, всѣ лѣса наполнивши войной,
Разсыпавъ рать твою, сей овладѣвъ страной,
Предсталъ передъ меня въ моемъ уединеньи.
Мгновенно сердца мнѣ прервалися біеньи;
Какъ вепря дикаго его страшилась зрѣть;
Отчаянна, блѣдна, желала умереть . . . .
Но очи юношу прекраснаго узрѣли;
Хотѣла укорять . . . . уста мои нѣмѣли.
Подъ шлемомъ видъ любви блисталъ въ его чертахъ,
Прешелъ къ моей душѣ, и мой разсѣялъ страхъ.
Съ тѣхъ самыхъ дней мои Фингаломъ мысли полны.
Спокойствіе мое онъ уносилъ чрезъ волны,
Когда окончивъ брань, плѣненіе твое,
Отплылъ отъ сей страны въ отечество свое.
За нимъ желанія неслись нетерпѣливы. . .
Настали наконецъ Моинѣ дни счастливы!

Фингалъ предъ олтаремъ соединясь со мной,
Почтитъ въ тебѣ отца, какъ сынъ нѣжнѣйшій твой . . .
Но ты смущаешься, блѣднѣешь и трепещешь;
На дочь, вокругъ себя ты взоры гнѣва мещешь,
И вздохи горести твою стѣсняютъ грудь. . .

Старнъ.

(По нѣкоторомъ молчаніи и скрывая свою ярость.)

Ахъ! нѣтъ . . . . безъ гнѣва я; спокойна духомъ будь!
Какъ ты, я веселюсь Фингаловымъ приходомъ,
И вскорѣ мой восторгъ явится предъ народомъ;
День оный можетъ быть счастливѣйшій мнѣ день.
Иди; чело свое покровами одѣнь.

Моина.

Твоею радостью могу я быть спокойна.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Старнъ, Колла.

Старнъ.

О малодушная, дочь Старна недостойна!
Злодѣя моего ты возлюбить могла,
У коего въ плѣну глава моя была,
И чье оружье кровь Тоскара проливало.
Къ несчастью моему сего не доставало!
О Колла, ты, кѣмъ Старнъ былъ прежде въ славѣ зримъ,
Сей счастливый отецъ, сей вождь непобѣдимъ,
Ты зришь: ко гробу онъ склоняетъ жизнь позорну.

Колла.

Въ Моинѣ вижу дочь родителю покорну:
Готова бывъ предстать ко брачну олтарю,
Не сердцель несть должна Морвенскому Царю?

Старнъ.

Но сердце, Колла, въ ней моею бьется кровью:
Такъ можетъ ли оно къ нему горѣть любовью?
Нѣтъ! злобу, и вражду, и ненависть, и месть,
Вотъ все, что дочь должна во бракъ Фингалу несть.
Когдабъ она меня достойной быть хотѣла,
Проникнуть замыслъ мой она давнобъ умѣла;
Умѣла бы узнать, что мой жестокій гнѣвъ
Не радости врагу, готовитъ смерти зѣвъ;
Готовитъ горести и всѣ мученья, казни,
И всѣ терзанія свирѣпой непріязни.
О ты, на облакахъ носящаяся тѣнь!
Тѣнь сына моего! тотъ свѣтитъ можетъ день,
Въ который ты узрѣвъ надъ мрачною могилой
Пролиту кровь врага, престанешь быть унылой;
Тоскливая до днесь, отдохнешь въ тѣ часы,
Какъ нива сохлая отъ Майскія росы;
И съ торжествомъ вступивъ въ могилу твой родитель,
Къ тебѣ прейдетъ, какъ паръ, во горнюю обитель.

Колла.

И вотъ обычная твоя со мною рѣчь!
Не ищешь, Государь, ты горести развлечь.
Два раза по лѣсамъ листъ хрупкій устилался,
И дернъ ужъ двѣ весны на холмахъ обновлялся,
Со дня, когда погибъ твой храбрый сынъ Тоскаръ,
И ты забыть печаль . . . .

Старнъ.

Печаль забыть? сей даръ,
Одинъ оставленный сердцамъ въ несчастной долѣ!
Безъ грусти я бы жить не могъ на свѣтѣ болѣ.
О Колла! безъ нее, съ того плачевна дня,
Какъ сынъ въ бою погибъ, вкругъ Старна, вкругъ меня,
Безмолвнымъ, мертвымъ все казалось бы въ природѣ.
Съ ней, прелесть нахожу я въ буряхъ, въ непогодѣ;

Со мною говорятъ и вѣтровъ страшный ревъ,
И моря грозный шумъ, и томный скрыпъ деревъ.
Во всемъ мнѣ слышатся сыновнія стенанья;
Я чувствую тогда тѣхъ камней содроганья,
Подъ коими лежитъ Тоскара хладный прахъ;
И онъ мнѣ зрится самъ со блѣдностью въ чертахъ,
На персяхъ тяжкую указывая рану,
Гласящимъ казнь врагу, отмщеніе тирану,
Котораго рукой намъ бѣдствія неслись.

(За театромъ слышенъ шумъ.)

Но плески въ воздухѣ народа раздались;
Конечно къ симъ мѣстамъ Царь шествуетъ Морвена.
Иди во храмъ, къ жрецу великаго Одена,
Передъ кумиромъ чьимъ бракъ должно посвящать;
Скажи, чтобъ шелъ въ чертогъ со мною совѣщать.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старнъ, Фингалъ, Уллинъ, Воины Фингала, Барды Старновы и Фингаловы, народъ Локлинскій.

Фингалъ.

О мужественный Старнъ! ты зришь опять Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведетъ теперь любовь.
Любовь, души моей единственное чувство.
Краснорѣчивымъ быть мнѣ чуждое искуство.
Во станѣ возрощенъ, воспитанъ на щитахъ,
Мое искуство все, безстрашнымъ быть въ бояхъ.
И такъ, не жди, о Старнъ, чтобъ изъяснилъ я нынѣ
Признательность къ тебѣ, любовь мою къ Моинѣ:

Кто сильно чувствуетъ, тотъ не терлетъ словъ.
Но испытуй меня, скажи своихъ враговъ,
Скажи, въ который край, иль отдаленну землю
И шти сражаться мнѣ, оружіе пріемлю,
И страхъ врагамъ: сей мечь главы ихъ долженъ стерть.

Старнъ.

(Въ изступленіи.)

Такъ, страхъ моимъ врагамъ, имъ страхъ и лютя смерть.

(Пришедъ въ себя.)

Но въ сей ли день, Фингалъ, утѣхъ и восхищенья,
Мнѣ называть враговъ, достойныхъ отомщенья,
Виновниковъ моихъ пролитыхъ втайнѣ слезъ.
Я видя здѣсь тебя, щедротой чту небесъ;
Рукою ихъ ко мнѣ ты присланъ въ утѣшенье:
И пусть трепещетъ свѣтъ, зря наше примиренье.

(Къ предстоящимъ Бардамъ.)

Зовите дочь мою. . . . . Вручивъ тебѣ ее,
Тѣмъ обѣщаніе исполню я мое.
Но, Государь, страны законами различны
Къ обрядамъ отческимъ отъ давныхъ лѣтъ привычны.
Въ Морвенѣ Божество Фингаловыхъ отцовъ
Оставлено до днесь безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
Друидовъ истребивъ, ихъ властью недовольны,
Низвергли храмы вы на ихъ главы крамольны.
Но здѣсь покоится во храмахъ Божество,
И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
И тикъ, я буду ждать отъ храбраго Фингала,
Чтобъ въ храмѣ дочь мою его рука приняла.

Фингалъ.

Не разсуждаю я, приличенъ ли кумиръ,
И храмъ, и жертвенникъ, Тому, Кто создалъ міръ;
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна;
Кому возстать тѣсна и высота небесна.

Чтобъ мыслью вознестись къ сему міровъ Творцу,
Не прибѣгаемъ мы къ Друиду, иль жрецу;
Безъ нихъ, несемъ ему съ зарей, на холмѣ красномъ,
Сердца толь чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.
Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно въ оный мнѣ съ Моиною вступить.
Такъ! къ дочери твоей въ любви неизъясненной,
Готовъ въ свидѣтели призвать боговъ вселенной.
Хотя сбери во храмъ кумировъ всей земли,
Ихъ всѣхъ жрецовъ, и мнѣ поклясться повели,
Предъ всѣми ими тамъ, предъ небомъ и землею,
Въ любви ручаюся я жизнію моею;
Моинѣ жизнью сей пожертвовать готовъ.
Но вотъ она . . . . какихъ желаешь клятвъ и словъ?
Ахъ! взглядъ ея, луны полночныя свѣтлѣе,
Для сердца въ вѣрности всѣхъ клятвъ моихъ сильнѣе.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежніе, Моина, Морна и дѣвы Локлинскія.

Старнъ.

Утѣха Старнова, о дочь моя, приди,
Съ Фингаломъ нашъ союзъ согласьемъ утверди.
Что бы въ твоей красѣ нашелъ родитель средства,
Изгладить навсегда съ души прошедши бѣдства.

Моина.

Ты сердца моего читалъ во глубинѣ:
Сколь долженъ сей союзъ желателенъ быть мнѣ,
Ты знаешь, Государь! твоей причастна славы,
Въ союзѣ вижу семъ оплотъ твоей державы:
Но что еще лѣстнѣй для сердца моего,
Надежду вижу въ немъ покоя твоего.

Фингалъ.

Моина, ахъ! повѣрь, что счастья твоего
Священнѣе имѣть не буду ничего;
Запечатлѣть обѣтъ готовъ моею кровью.

Старнъ.

Я восхищаюся взаимной сей любовью.
Чтобъ ускорить давно желанный мною часъ,
На время въ сихъ мѣстахъ оставить долженъ васъ.
Во храмѣ принеся моленіе обычно,
Устрою празднество, тебѣ Фингалъ прилично.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Фингалъ, Моина, Уллинъ, Морна, Барды, Дѣвы и всѣ бывшіе въ предъидущемъ явленіи.

Фингалъ.

О небо! доверши блаженство дней моихъ.
Моина, повтори приятность словъ твоихъ;
Скажи, что моему ты непротивясь счастью,
Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ.
Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ! . . . .
Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый;
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы,
И огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ не милымъ быть, и ревности всѣ муки.

Не утолялся огнь въ прохладности ночей,
И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.
Сей голосъ, коимъ ты со мною говорила,
Твой тихій, свѣтлый взглядъ, твоя улыбка мила,
Твое дыханіе, и легкій шумъ шаговъ,
Какъ вешній вѣтерокъ журчащій межъ листовъ,
И все, что ты, плѣня мое воображенье,
Въ разлукѣ множило любовное мученье;
Какъ нынѣ все, что ты, Фингала веселитъ.
Пусть счастіе мое Моина подтвердитъ.

Моина.

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столькожъ искренны, сколь искренна она.
И такъ, о Государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
Къ герою страсть, души высокія отрада!
Гордяся чувствомъ симъ, и радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣетъ, —
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала
Терзалась мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ,
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ, каждый валъ въ дали, мнѣ пѣною своею,
Казался парусомъ, надеждою моею;
Но тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску.
Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила;
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ.

Ты прибылъ наконецъ, Фингалъ передъ Моиной,
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Фингалъ.

Не столько звуки арфъ въ вечерній, тихій часъ,
Приятны при зарѣ, сколь твой приятенъ гласъ;
Сколь кажду рѣчь твою я нахожу прелестну,
Несущу радость мнѣ, до нынѣ неизвѣстну.
Но я блаженствуя въ моей теперь судьбѣ,
Не знаю, чѣмъ и какъ воздать могу тебѣ,
Которой долженъ я толикою отрадой.

Моина.

Любви лишь можетъ быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингалъ, и чувство то храня,
Въ родителѣ моемъ спокой, утѣшь меня.
Ты зрѣлъ, какъ очи въ немъ подъ брови углубленны,
Какъ всѣ черты лица печалью измѣненны,
И какъ чело его наморщила тоска,
Которую развлечь моя слаба рука:
Онъ не участвуетъ въ веселіи безвинномъ,
И стонетъ, какъ волна при берегѣ пустынномъ.
Стараніемъ Фингалъ, соединись со мной,
Чтобъ прежній возвратить душѣ его покой,
И сына нѣжнаго чтобъ замѣнить потерю.
По симъ стараніямъ любовь твою измѣрю,
И сердце раздѣливъ межъ Старна и тебя,
Почту тогда, почту счастливою себя.

Фингалъ.

Не ошибался я: судьба моя надежна!
Супруга та вѣрна, которая дочь нѣжна,
Священнымъ долгомъ чтитъ родителей покой.
Моина! мнѣ отцомъ родитель будетъ твой;
Любовь моя внушитъ мнѣ нѣжныя старанья,
Чтобъ въ Старнѣ облегчить душевныя страданья;

Что бы тоску его снѣдающу развлечь,
Чтобъ радости слезу изъ глазъ его извлечь;
Чтобъ видѣть наконецъ намъ духъ его спокойнымъ,
И мнѣ содѣлаться твоей любви достойнымъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Прежніе, Бардъ Старновъ.

Бардъ.

Морвенскія страны непобѣдимый Царь!
Ко браку твоему готовъ уже олтарь.
На жертвенникѣ огнь усердія пылаетъ,
И мудрый Старнъ тебя съ Моиной ожидаетъ.

Фингалъ.

Пойдемъ, любезная! во храмѣ счастье ждетъ
Чету, которую любовь туда ведетъ.

Хоръ Бардовъ

Иди во храмъ, чета прелестна,
Вѣнчай свою взаимну страсть.
Душамъ чувствительнымъ извѣстна
Та сладостна, счастлива часть,
Когда любовь въ сердцахъ пылаетъ,
И бракъ веселый страсть вѣнчаетъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ внутренность храма Оденова, отверстаго сверьху; кумиръ божества поставленъ посреди, предъ нимъ жертвенникъ курящійся. Чрезъ сводъ дикихъ камней видны холмъ могильной и палата перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Старнъ (одинъ передъ кумиромъ.)

О древне божество обширныхъ странъ полнощныхъ,
Надежда страждущихъ, и сила, крѣпость мощныхъ,
Оденъ! котораго невидимой рукой
Природа держится, и кругъ вращаетъ свой!
Ты волею своей бытрѣе вѣтровъ горныхъ;
Чья месть мрачнѣе бурь, висящихъ въ тучахъ черныхъ,
На коихъ возлегла Тоскара грустна тѣнь:
Яви свой ярый гнѣвъ въ торжественный сей день!
Помощникомъ мнѣ будь къ погибели Фингала,
Котораго рука кумиръ твой потрясала,
Котораго мечемъ мой сынъ погибъ въ бою,
Чей хитрый взглядъ прельстилъ дочь слабую мою,
И чрезъ кого я сталъ безъ чадъ моихъ, безъ чести,
Съ одною грустію, съ однимъ желаньемъ мести;
На старости моей въ печальномъ сиротствѣ.
Мой врагъ передъ тебя явится въ торжествѣ;
Нашли на духъ боязнь, на мысль недоумѣнье,
Предзнаменующи могущаго паденье.
Чтобъ онъ, какъ лютый звѣрь, страшилище лѣсовъ,
Гонимый ловчими, преслѣдованъ отъ псовъ,
Въ разставленную сѣть стремился торопливой,
И веселился бъ Старнъ добычею счастливой.

Внесу тогда, Оденъ, во капище твое,
Его булатный мечь, огромное копье,
И щитъ, и шлемъ, крыломъ орлинымъ осѣненной,
И весь доспѣхъ его; что бы вѣщалъ вселенной,
Изъ рода въ поздный родъ, отъ вѣка въ дальній вѣкъ,
Сколь слабъ передъ тобой сильнѣйшій человѣкъ!
Мечтавъ не знать себѣ въ величествѣ примѣра,
Онъ палъ, и три шага — его жилищу мѣра.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Старнъ.

Благоприятну ли несешь мнѣ, Колла, вѣсть?
Готовыль воины мою исполнить месть?
Могуль надѣяться на ихъ неустрашимость?

Колла.

Колеблетъ, Государь, ихъ мысли нерѣшимость.
Еще имъ памятенъ неизъяснимый страхъ,
Который разсѣвалъ Фингаловъ мечь въ бояхъ,
И цѣлые ряды какъ были низложенны:
Иные ранены, другіе бывъ плѣненны,
И всѣ въ Фингалѣ зрятъ, какъ браней божество,
Которому что бой, то ново торжество.
Осмьнадцать ратниковъ тебѣ, о Старнъ! послушны:
Страшатся прочіе . . . . . .

Старнъ.

Страшатся? малодушны!
Что сей Фингалъ до днесь ни кѣмъ не побѣжденъ,
Безсмертнымъ развѣ онъ отъ матери рожденъ?
Иль грудь его тверда, какъ камень древнихъ башенъ?
Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ быть, не можетъ быть тотъ страшенъ,
Котораго въ бою прерветъ блестящій вѣкъ,
Кинжаломъ иль мечемъ отважный человѣкъ;

Который, такъ какъ мы, и времененъ, и тщетенъ,
Который такъ же слабъ, который такъ же смертенъ.
Фингаловы отцы подобные мечтѣ,
Прешли и скрылися въ могильной темнотѣ.
Проходятъ роды всѣ, и возстаютъ другіе,
Какъ съ вѣтромъ по морю идутъ валы сѣдые;
Иль какъ осенній листъ отъ древа отнесенъ,
И листомъ по веснѣ зеленымъ замѣненъ.
Подобно и мой родъ со мною пресѣчется.

Колла.

Почто же мыслишь ты, что родъ съ тобой прервется —
Родъ славный, сей страной владѣвшій столько лѣтъ?
Онъ утвердится вновь и снова процвѣтетъ!
Имѣешь дочь еще. . .

Старнъ.

Нѣтъ, Колла, не имѣю:
Моину дочерью не признаю моею,
Коль въ сердцѣ ко врагу питаетъ нѣжну страсть.
Фингалъ мнѣ горести устроилъ полну часть.
И окруживъ меня убійствомъ и прельщеньемъ,
Мой домъ содѣлалъ мнѣ глухимъ уединеньемъ.
Не остановится въ послѣдній жизни часъ
На дѣтяхъ мысль моя и умиленный глазъ;
И вознесенный холмъ надъ Старновой могилой,
Пребудетъ, такъ какъ я, безмолвный и унылой.
Никто на гробъ его цвѣтовъ не принесетъ,
И путникъ знаковъ слезъ на камняхъ не найдетъ.
Гробъ хладно молчаливъ умершихъ безъ семейства.
Но я отмщу врагу за всѣ его злодѣйства.
Фингаловой крови Тоскаровъ жаждетъ прахъ,
Онъ на могилу ждетъ, и тамъ ждетъ плачь, ждетъ страхъ,
И ждетъ конецъ его мучителенъ, ужасенъ.
Оденовъ жрецъ со мной во мщеніи согласенъ.

Колла.

Уже ли, Государь, во ярости твоей
Ты отъ обычаевъ страны отступишь сей?
Гостепріимства здѣсь законы суть священны.
Хотя къ намъ врагъ приди, чрезъ три дни угощенный,
Какъ въ домѣ собственномъ спокоенъ долженъ быть.
Обычай древній сей кто можетъ преступить,
Въ толикомъ же у насъ позорѣ и презрѣньи,
Какъ воинъ боязливъ бѣгущій во сраженьи.
Гостепріимство ли, знакъ нравовъ простоты,
Во гнѣвѣ, Государь, нарушить хочешь ты?
Ужель не посвятишь трехъ дней на угощенье?
Потомъ ужъ можешь ты свое исполнить мщенье.

Старнъ.

Что, Колла, говоришь? что бы три дни я ждалъ;
Чтобъ зрѣніемъ врага еще три дни страдалъ;
Чтобъ съединившись съ нимъ несчастная Моина
Его бы привела въ мой домъ на мѣсто сына?
Ахъ, нѣтъ! моя вражда столь сильна, что едва
Не измѣняютъ мнѣ мои къ нему слова.
Не отвѣчаю я, чтобъ могъ скрываться долѣ.
Чрезъ три дни смерть его въ моей не будетъ волѣ.
Пускай винятъ меня народъ и цѣлый свѣтъ!
Какъ мертвъ безъ сына бывъ, мнѣ нужды въ ономъ нѣтъ.
Надежда отомстить и муки зрѣть Фингала,
Одна жизнь Старнову до нынѣ подкрѣпляла.
Надеждой сей дышалъ, для мести только жилъ:
И хочешь, чтобъ я смерть Фингала отложилъ!
Чтобъ случай потерялъ для сохраненья славы!
Померкни блескъ вѣнца, и честь моей державы,
Погибни вся страна, пускай погибну самъ,
Лишь бы мой врагъ погибъ, палъ мертвъ къ моимъ ногамъ,
Лишь на челѣ бъ его я зрѣлъ погаслу смѣлость,
Глубокихъ язвъ болѣзнь, и смерти цѣпенѣлость,

И къ радости моей что бы услышать могъ,
Изъ устъ трепещущихъ тотъ тяжкій, томный вздохъ,
За коимъ для него придетъ молчанье вѣчно.
Но раздается шумъ . . . Фингалъ идетъ конечно.
Еще притворствовать, еще вражду таить,
Лишь взоромъ избирать то мѣсто, гдѣ разить,
чтобъ каждый нашъ ударъ не проносился мимо . . . .
Для ярости моей притворство нестерпимо!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Старнъ, Фингалъ, Моина, Морна, Колла, Первосвященникъ, Жрецы, Барды Фингаловы и Старновы, Воины обѣихъ Царей, народъ Локлинскій.

Фингалъ.

Доволенъ ли ты, Старнъ, покорностью моей?
Во храмѣ предстою по волѣ я твоей;
Во храмѣ, коего отцы мои чуждались,
(Указывая на кумиры.)
И симъ богамъ твоимъ по смерть не покланялись.
Но я и сихъ боговъ хочу теперь призвать:
Познай чрезъ то, тебѣ какъ мыслю угождать,
И сколь желаю я, что бы отецъ Моины,
Раздора прежняго забывъ межъ насъ причины,
Въ преданности моей увѣренъ нынѣ былъ;
Чтобъ къ сердцу своему Фингалу путь открылъ;
Былъ мною навсегда утѣшенъ, успокоенъ,
И сына именемъ я былъ имъ удостоенъ.

Старнъ.

(Съ притворною радостію.)
О ты, Комгаловъ сынъ! на старости моей,
Ко утѣшенію моихъ послѣднихъ дней,

Когда осталась мнѣ единая Моина,
То какъ тебя въ сей день мнѣ не признать за сына?
Не помышляю я о дѣтяхъ никогда,
Чтобъ о тебѣ, Фингалъ, не помышлялъ всегда.
Ты думы моея давно уже предметомъ;
Давно желаетъ Старнъ явить предъ цѣлымъ свѣтомъ
Тѣ чувствія, къ тебѣ которыя хранитъ,
И прежній нашъ раздоръ какъ мною позабытъ.

(Къ Жрецамъ.)

Служители боговъ, воспойте пѣснь священну
Предвѣчному Творцу, великому Одену.
Пусть именемъ его верховный храма жрецъ,
Благословитъ союзъ сихъ искреннихъ сердецъ.
Ничто предъ божествомъ Цари съ ихъ властью мощной,
Какъ огнь носящійся надъ тундрой полунощной:
Ихъ блескъ мечтателенъ, ихъ замыслы какъ дымъ,
Стремящійся изъ горнъ и бурей разносимъ.
Передъ Фингаломъ я обѣтъ мой исполняю;
Но подтвержденія Одена ожидаю.

Хоръ Жрецовъ.

Властитель неба и земли,
О ты! единый, вѣчный, сильный,
Источникъ благъ обильный,
Воззванью нашему внемли.

Свѣтилами лазурь украсилъ ты небесну,
Чтобы свою премудрость доказать;
И въ знакъ щедротъ, любовь и красоту прелестну
Благоволилъ на землю низпослать.

Соедини союзомъ нѣжнымъ,
Сію любезную чету;
И мирныхъ дней ихъ долготу
Исполни счастьемъ безмятежнымъ.

Въ продолженіи пѣнія юноши и дѣвы Локлинскія составляютъ балетъ, приносятъ вѣнцы и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшаютъ Моину и Фингала, и ведутъ ихъ къ жертвеннику передъ кумиръ Оденовъ.

Фингалъ.

Оденъ! Локлинцовъ богъ, коль нынѣ въ первый разъ
Ты Каледонина во храмѣ слышишь гласъ,
Не удивись тому: ты божество Моины,
Предъ жертвенникомъ ждетъ она своей судьбины.
Хочу тебя призвать, хочу тебя почтить,
И въ пламенной любви клянясь ей вѣрнымъ быть,
Сихъ клятвъ хочу имѣть свидѣтелемъ Одена.
Мнѣ будь свидѣтелемъ и ты, племенъ Морвена,
Отцевъ Фингаловыхъ, могуще божество!
Ты, коего весь міръ являетъ существо,
Но смертные умомъ кого не постигаютъ,
Кого именовать уста мои не знаютъ;
Ты, исполняющій вселенную собой,
И въ храмѣ чуждомъ семъ обѣтъ услышишь мой.
Когда Моинины любовью полны взгляды,
Не будутъ находить въ глазахъ моихъ отрады,
Когда не будутъ зрѣть въ нихъ страстнаго огня,
Которымъ днесь горю, то накажи меня.
Что бы руки моей изчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьяхъ наносила;
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ быліе долинъ во цвѣтѣ изсуши;
Чтобъ безполезный Царь, противъ любви безчестенъ,
Влачилъ я мрачну жизнь, и умеръ безизвѣстенъ;
Чтобъ въ пѣсняхъ Бардовъ я въ потомствѣ не гремѣлъ,
Въ дому моихъ отцовъ мой щитъ бы не висѣлъ,
И мечь, мой тщетный мечь, притупленный и ржавый,
Былъ въ дебри выброшенъ, какъ мечь Царей безъ славы.

Жрецы, народъ, и ты, о мудрый Старнъ! въ сей часъ,
Свидѣтелями клятвъ я поставляю васъ.

Моина.

А я клянуся здѣсь . . . .

Верховный Жрецъ.

Остановись Царевна!
Тѣнь брата твоего, являясь въ тучахъ гнѣвна,
Черезъ меня претитъ обѣтъ произносить;
(Указывая на Фингала.)
И ты супругою ему не можешь быть.

Фингалъ.

Не можетъ быть?

Моина.

О рокъ!

Старнъ.

(Въ сторону.)

Рѣшительно мгновенье!

Фингалъ.

О ты коварный жрецъ! какое дерзновенье
Ты принялъ на себя? что бы умершихъ гласъ
Отъ горнихъ слышать мѣстъ, смущать здѣсь онымъ насъ.
Оставь всѣ хитрости, жрецовъ обычны свойства,
И въ гробѣ сущаго не нарушай спокойства.

Верховный Жрецъ.

Ты лучше самъ почти умершаго покой.
Пронзивъ Тоскару грудь свирѣпою рукой,
Сію ль сестрѣ его ты предлагаешь руку?
Или и въ гробъ ему пренесть ты хочешь муку?

Нѣтъ, прежде ты къ его могилѣ поспѣши,
Отдай тамъ праху долгъ, и тризну соверши,
Потщися съ тѣнію Тоскара примириться:
Тогда лишь можешь ты съ Моиной съединиться.

Фингалъ.

Съ терпѣньемъ слушалъ я твою лукаву рѣчь.
Ты мыслишь ею здѣсь раздоръ опять возжечь;
Напоминаешь намъ объ участи Тоскара.
Такъ, въ полѣ онъ погибъ отъ моего удара,
Но не измѣною: онъ палъ, какъ вождь, герой;
Межъ нами смерти споръ рѣшилъ кровавый бой,
И подвергался я его ударамъ равнымъ.
Коль жизнь вѣнчаетъ вождь концемъ толико славымъ,
Коль за отечество онъ можетъ умереть,
Того не будетъ тѣнь о жизни сожалѣть;
Не будетъ въ облакахъ ни гнѣвна, ни смущенна.
Могила храбраго отечеству священна;
И старцы на нее должны сыновъ водить,
Чтобъ въ юныхъ ихъ сердцахъ геройство возбудить.
Но чуждо для жрецовъ высокое толь чувство:
Раздоры разсѣвать ихъ главное искуство.

(Указывая на Моину.)

Ты не успѣешь въ томъ . . . . Прими ея обѣтъ,
И совершай свой долгъ.

Верховный Жрецъ.

Не принимаю, нѣтъ.
Когда Тоскаровъ прахъ почтить не хочешь нынѣ,
Супругомъ быть тебѣ не льзя тогда Моинѣ.
Одена именемъ я запрещаю ей,
Надеждѣ и любви отвѣтствовать твоей;
И симъ же именемъ я Старна разрѣшаю
Отъ слова даннаго. Я зрю, что прогнѣвляю
Твой гордый духъ; иду отъ гнѣва твоего.

Фингалъ.

Остановите вы, о воины, его!

Старнъ.

Иль ты пришелъ во храмъ надъ святостью ругаться?

Фингалъ.

Иль за крамольнаго Старнъ можетъ здѣсь вступаться?

Старнъ.

Почти, Фингалъ, почти его священный санъ!

Фингалъ.

Къ сплетенью ль хитростей ему былъ оный данъ?

Старнъ.

Онъ данъ ему на то, чтобъ слышать гласъ небесный,
Чтобъ оный возвѣщать.

Фингалъ.

Какой сей даръ чудесный!
И какъ предъ нами онъ небесный слышалъ гласъ,
Которому никто не могъ внимать изъ насъ!
Что въ вашемъ храмѣ я, мнѣ должно ль лицемѣрить?

Старнъ.

Ты вѣрь ему, иль нѣтъ, но мы привыкли вѣрить.
И дочери моей не отдаю тебѣ,
Когда противенъ бракъ разгнѣванной судьбѣ.

Фингалъ.

Что слышу?

Моина.

Небеса!

Колла.

(Тихо Старнц.)

Себѣ ты измѣняешь.

Фингалъ.

Меня ль . . .

Старнъ.

(Съ притворною ласкою.)

Почто, Фингалъ, почто не поспѣшаешь
Союзу нашему препятство отвратить;
Одена и судьбу съ симъ бракомъ примирить,
И возвратить покой Тоскара тѣни гнѣвной?
Съ какимъ веселіемъ и радостью душевной,
На холмѣ смерти я, Фингала буду зрѣть!

Фингалъ.

Ты бъ долженъ былъ меня въ душѣ своей презрѣть,
Когда бъ увидѣлъ здѣсь толико малодушнымъ,
Что бы твоимъ жрецамъ я сдѣлался послушнымъ;
Что бы ихъ гласъ считалъ за гласъ самихъ боговъ.
Тоскара гробъ почтить, я бъ былъ, о Старнъ! готовъ:
Но какъ союзникъ твой, но какъ супругъ Моины,
И долгъ сей совершить имѣлъ бы я причины.
Что волей сдѣлалъ бы, неволей никогда!

Старнъ.

Почтожъ, о гордый вождь! ты прибылъ къ намъ сюда?

Фингалъ.

Ты прежде дай отвѣтъ; почто надеждой льстивой
Ты вызвалъ по морямъ мой бѣгъ нетерпѣливой?
Когда чрезъ Барда я союзъ сей предложилъ,
Почто условій мнѣ своихъ не объявилъ?
Я въ правѣ отъ тебя потребовать отвѣта.

Старнъ.

Царь, равнымъ мнѣ Царямъ я не даю отчета.

Фингалъ.

Царь, измѣняешь ли ты слову своему!
Когда не вѣрить намъ, то вѣрить ли кому?

Старнъ.

Фингалъ! теряется уже мое терпѣнье.

Фингалъ.

О Старнъ! угрозы мнѣ я чту за оскорбленье.

Старнъ.

Ты въ областяхъ моихъ.

Фингалъ.

Я здѣсь не въ первый разъ.

Моина.

Фингалъ! остановись, и мой услыши гласъ,
Коль можетъ мнѣ вимать духъ гнѣвомъ распаленный.
Опять ли видѣть мнѣ раздоръ возобновленный
Межъ тѣми, коихъ я дороже чту всего;
Опять отечества увижу ль моего
Пожарны заревы, и быстры токи крови?
Гдѣ увѣренія, Фингалъ, твоей любови?
Давноль еще предъ симъ ты лестью страстныхъ словъ
Моину увѣрялъ, что облегчить готовъ
Въ родителѣ ея сердечны огорченьи?
Тѣ страстныя слова забылъ въ своемъ киченьи!
Забылъ, духъ вспыльчивый, отъ ярости смущенъ,
Что долженъ мой отецъ Фингалу быть священъ.
Ты жизнію хотѣлъ пожертвовать Моинѣ,
И самолюбіемъ не жертвуешь мнѣ нынѣ.

Фингалъ.

Ужель въ волненіи сего несчастна дня,
И ты, жестокая, и ты противъ меня?
Ты знаешь, сколь чужда моя душа притворства.
Но не довольно ли уже явилъ покорства,
Когда въ противный храмъ предсталъ съ тобою я?
Во храмъ сей пагубный вела любовь моя.

Моина.

Сію любовь свою ты докажи мнѣ болѣ;
И Старновой въ сей часъ ты повинуясь волѣ,
Иди на братній холмъ, обряды соверши,
Яви величество твоей, Фингалъ, души:
Моя рука въ сей день наградой снисхожденью.

Фингалъ.

Меня ли привести ты хочешь къ униженью?

Моина.

Несправедливый другъ! въ любви къ тебѣ моей,
Могуль не дорожить я честію твоей;
Когда былъ милымъ тотъ, кто быть возмогъ безчестенъ?
Ты храбростью своей въ лѣтахъ младыхъ извѣстенъ.
И кто подумаетъ, что бы Фингалъ въ сей день,
Былъ робостью ведомъ почтить Тоскара тѣнь.

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

Жестокой, ты молчишь, и взоры потупляешь.
Я слышу твой отказъ, хотя не отвѣчаешь,
И узнаю теперь, и поздно, и стеня,
Что ты обманывалъ, и не любилъ меня;
Что издѣвался здѣсь ты надъ моею страстью.
Оставь меня, бѣги, предай меня несчастью,
Межъ нами положи обширности морей.
Ты возмутить пришелъ моихъ спокойство дней;
Ты погубилъ меня; я не снесу разлуки,
И вскорѣ, вскорѣ смерть моя окончитъ муки;

Она съ спокойствіемъ Моину примиритъ,
И съ сердца видъ сотретъ, меня прельстившій видъ.

Фингалъ.

О! какъ души моей ты слабости узнала,
И какъ, жестокая, терзаешь ты Фингала!
Могу ли безъ тебя быть счастливъ на земли?
Надгробно празднество готовить повели,
О Старнъ! Оденъ, жрецы, ихъ гласъ, твои угрозы
Безсильны надо мной; ея лишь сильны слёзы!
Ея любви одной я предаюся весь.

Моина.

Премѣна счастлива!

Старнъ.

(Тихо Коллѣ.)

Я торжествую днесь.

(Къ Моинѣ.)

О дочь! принесшая родителю отраду,
Получишь вскорѣ ты достойную награду,
И чувствіямъ твоимъ готовлю я покой.

(Къ Коллѣ.)

Иди на грустный холмъ и торжество устрой.

(Къ Фингалу.)

А мы, Фингалъ, союзъ чтобъ ускорить счастливый,
Чтобъ наконецъ возмогъ мой взоръ нетерпѣливый
Тебя на холмѣ зрѣть, къ могилѣ поспѣшимъ.

(Хочетъ его вести, но при видѣ воиновъ Фингаловыхъ останавливается.)

За нами ли итти симъ воинамъ твоимъ?
Иноплеменники обрядовъ нашихъ чужды,
Ихъ любопытный духъ. . . .

Фингалъ.

Мнѣ въ нихъ не будетъ нужды.
Къ чертогу Царскому они пускай идутъ,
И возвращенія вождя ихъ тамо ждутъ!

(Воины Фингаловы уходятъ.)

Старнъ.

(Въ сторону.) *(Къ Фингалу.)*

Пусть тщетно ждутъ! . . Фингалъ, пойдемъ къ могилѣ сына.

Фингалъ.

Приди со мной, приди, любезная Моина!

Старнъ.

Ахъ! нѣтъ, чувствительный ея не долженъ взглядъ
Зрѣть смерти празднество, надгробный зрѣть обрядъ;
Печальна для нее могила будетъ брата.
Въ семъ храмѣ пусть она ждетъ нашего возврата.

Фингалъ.

И такъ опять съ тобой я разстаюсь теперь! . .
Моина, страсть мою послушностью измѣрь.

(Старнъ и Фингалъ уходятъ, за ними слѣдуютъ всѣ предстоявшіе во храмѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Моина и Морна.

Морна.

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

Виновница въ сей день намъ прочнаго покоя,
Ты, удержавшая стремленіе Героя,

За коимъ, можетъ быть, для нашея страны
Возобновились бы злосчастія войны,
Когда все льститъ тебѣ, когда ты торжествуешь,
Когда твой вѣренъ бракъ, на что ты негодуешь?
Почто веселію свой духъ не придаешь?
Хранишь молчаніе, вздыхаешь, слезы льешь?
Иль новыхъ бѣдъ какихъ еще намъ ждать?

Моина.

Не знаю.

Неволею грущу, и слезы проливаю.
Предчувстволь томное мнѣ нѣкія бѣды,
Или въ крови моей оставило слѣды
Въ семъ храмѣ бывшее несчастное волненье?
Иль можетъ быть обрядъ, и тризны совершенье,
Напоминающе всему конецъ и смерть,
По сердцу моему могло печаль простерть!
Увы! не смѣю я еще ласкаться бракомъ;
Часъ будущій судьба отъ насъ сокрыла мракомъ.
Кто знаетъ, счастливъ ли онъ намъ опредѣленъ?
Сей вѣрный, Морна, бракъ еще не совершенъ;
Еще я не зовусь супругою Фингала,
Еще союзъ не твердъ. Уже я испытала,
Какъ вѣрностью надеждъ не льзя ласкаться намъ.
Когда веселая съ Фингаломъ шла во храмъ,
Моглаль предвидѣть я, что нашъ обрядъ вѣнчальный
Премѣнится въ обрядъ надгробный и печальный;
Что вмѣсто храма, гробъ, жреца на мѣсто, тѣнь,
Къ союзу нашему представятся въ сей день?
Кто, Морна, вѣдаетъ мнѣ рокъ опредѣленный?
Но шумъ.... вступаютъ въ храмъ.... Уллинъ идетъ смущенный:
Боязнь въ его чертахъ . . .

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежнія и Уллинъ.

Уллинъ.

Царевна! гдѣ Фингалъ?

Моина.

Ко гробу братнему съ Царемъ онъ путь приялъ,
И, можетъ быть, теперь уже надъ мрачнымъ холмомъ.

Уллинъ.

Но воиновъ своихъ сопровожденъ ли сонмомъ?

Моина.

Одинъ пошелъ, но что? . . . .

Уллинъ.

О горесть! о бѣда!
Онъ гибнетъ, можетъ быть, бѣгу къ нему туда.

Моина.

Постой Уллинъ, постой; чѣмъ столько ты смущаемъ;
И гибелью Фингалъ какою угрожаемъ?

Уллинъ.

Твой яростный отецъ, презрѣвъ и долгъ, и честь,
И все, что на земли священное ни есть,
Быть можетъ, въ сей же часъ Фингала умерщвляетъ,
И смерть Тоскарову измѣной отомщаетъ.

Моина.

Не вѣрь, Уллинъ, не вѣрь; сего не можетъ быть.
Измѣноюль Цари обиды будутъ мстить?

Уллинъ.

Едва повѣрить могъ . . . Но свобожденный плѣна,
Кариллъ, со мной сюда приплывшій изъ Морвена,
Сей храбрый воинъ вашъ, котораго Фингалъ
Любилъ отважный духъ, и въ плѣнѣ отличалъ,
Остановилъ меня, когда въ веселомъ ходѣ
Ко храму съ торжествомъ за вами шелъ въ народѣ.
Онъ все повѣдалъ мнѣ, и способъ чтобъ найти
Локлинскія страны падущу честь спасти,
Онъ самъ въ числѣ убійцъ . . . . еще ли усумнишься?
Но медлю здѣсь, бѣгу на холмъ.

Моина.

Куда стремишься,
И что противъ убійцъ предприметь ты одинъ?
Сонмъ воевъ у чертогъ; спаси Царя, Уллинъ!

(Уллинъ поспѣшно уходитъ.)

Увы! несчастная, и я на холмъ послала,
И можетъ быть, на смерть любезнаго Фингала.
Остановленный бракъ, смятеніе жреца,
Веселье мрачное жестокаго отца,
Когда Фингалъ итти согласенъ былъ ко гробу,
Все Старнову явить могло мнѣ скрытну злобу;
И ничего, увы! не зрѣлъ мой страстный взоръ.
О Морна! поспѣшимъ предупредить позоръ.
Когдажъ не отврашу измѣну толь поносну,
У самыхъ ногъ отца окончу жизнь несносну.

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ дикій лѣсъ съ разсѣянными камнями, посреди холмъ, подъ коимъ погребенъ Тоскаръ. Гробница по обычаю означена четырьмя большими камнями по угламъ; на холмѣ посажено дерево, на которомъ виситъ щитъ, мечь и стрѣлы погребеннаго Царевича; у древа жертвенникъ воздвигнутъ изъ камней; въ отдаленіи видно море и на берегу онаго храмъ Одена.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Старнъ, Фингалъ, Колла,
Барды Старновы.

Старнъ.

(Остановясь съ Фингаломъ у холма.)

Фингалъ! ты видишь холмъ, подъ коимъ скрытъ Тоскаръ,
Подъ коимъ сына прахъ, твоей руки мнѣ даръ.
На холмѣ мрачномъ семъ, на камняхъ сихъ надгробныхъ,
Провелъ теченіе я дней моихъ прискорбныхъ:
И утро каждое, и каждый вечеръ дня
Встрѣчали въ рощѣ сей стенящаго меня.
Тоскара грустна тѣнь со мною здѣсь стонала;
Она тебя, Фингалъ, къ могилѣ призывала
Отъ странъ твоихъ отцовъ, изъ-за пучинъ морей.
Ты отдохни, о тѣнь! отъ горести твоей,
И болѣ не скорби Фингаловой побѣдой.
Утѣшитъ въ скорости тебя своей бесѣдой,
И радость принесетъ онъ сердцу моему.

Фингалъ.

(Обращаясь къ холму.)

О храбрый юноша! миръ праху твоему.
Въ твоихъ младыхъ лѣтахъ, ты былъ примѣромъ воевъ,
И смертью кончилъ жизнь, достойною героевъ.
Съ почтеніемъ на холмъ взираю я сей часъ.
Ахъ! миръ, миръ храброму еще единый разъ!

(Къ Старну.)

Я горести твоей, о мудрый Старнъ! повѣрю.
Въ немъ сдѣлалъ ты, народъ, чувствительну потерю,
Которую судьба ни чемъ не замѣнитъ.
Отважный сынъ Царевъ, отечественный щитъ:
На немъ основано народное спокойство.
Я самъ, сражаясь, чтилъ Тоскарово геройство,
Я прослезился самъ о юношѣ твоемъ,
Когда въ бою погибъ подъ роковымъ мечемъ;
Когда, какъ твердый дубъ отъ бури преломленный,
Онъ палъ, и возшумѣлъ сонмъ воевъ удивленный.

(Къ Бардамъ.)

Воспойте Барды пѣснь Тоскару въ похвалу.
Гласъ мудраго пѣвца могилъ проходитъ мглу,
Тѣнь храбрыхъ веселитъ, и предаетъ въ потомство.
Согласной звучностью ихъ доблесть и геройство.

Фингалъ садится на камень по одну сторону театра, Старнъ садится такъ же по другую сторону, Барды подходятъ къ холму и поютъ хоромъ безъ оркестра.

Хоръ Бардовъ.

Надежда бывшая сихъ странъ,
Отъ насъ взятый судьбою гнѣвной!
Ты былъ своимъ народамъ данъ,
Какъ въ мѣсяцъ зимній лучь полдневной.

Блеснувъ на часъ, ты вдругъ изчезъ,
И сталъ предметомъ нашихъ слезъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и служитель Старновъ несущій чашу пиршествъ.

Колла.

Для изліянія по волѣ, Старнъ, твоей
Изъ сотовъ пчельныхъ медъ несется въ чашѣ сей.

Старнъ.

Внеси на холмъ, поставь на жертвенникъ могильный;
Тамъ примиренія прольется токъ обильный.
Когда возметъ Фингалъ тамъ чашу празднества,
Ты, Колла, знакъ подай къ свершенью торжества.

(Колла, принявъ чашу отъ принесшаго, идетъ съ оною на холмъ.)

Хоръ Бардовъ.

Во мракѣ тучь какъ грозный громъ,
Ты не носись въ странахъ воздушныхъ;
Но преселись во горній домъ
Твоихъ отцевъ великодушныхъ,
Сѣдящихъ въ радужныхъ кругахъ,
Съ спокойствомъ свѣтлымъ на челахъ.

Фингалъ.

Нѣтъ, гласамъ никогда надгробнымъ я не внемлю,
Чтобъ мысль не возвращалъ въ отеческую землю,
Гдѣ возвышенный рядъ родительскихъ могилъ
Служилъ источникомъ моихъ душевныхъ силъ;

Гдѣ часто при зарѣ, надъ молчаливымъ холмомъ,
Подъ облачной грядой, бесѣдовалъ я съ сонмомъ
Почіющихъ отцевъ . . . Казалось, гласъ взывалъ,
Который мужество мнѣ въ чувство проливалъ.
Унылы высоты теперь остались холмы;
И тѣни въ облакахъ печальны и безмолвны
Съ вечерней тишиной, при уклоненьи дня,
По холмамъ странствуютъ, искавъ вотще меня.
Я удалился васъ, отъ оныхъ мѣстъ священныхъ,
За волны шумныя, въ страну иноплеменныхъ,
Куда меня влекла могущая любовь.
Но вы не сѣтуйте: она и вашу кровь,
Въ весенній возрастъ дней, какъ огнь, возпламеняла;
Улыбка красоты и васъ равно плѣняла.
Вы были счастливы; но я! . . .

(Впадаетъ въ задумчивость.)

Старнъ.

(Тихо Коллѣ.)

Еще ли ждать?
Въ немъ духъ унылъ: намъ знакъ не въ сей ли часъ подать?

Колла.

Доколѣ, Государь, свой мечь Фингалъ имѣетъ,
Противустать никто изъ воиновъ не смѣетъ.

Старнъ.

(Коллѣ.)

Я способы найду его меча лишить.

(Къ Фингалу.)

Не время ли, Фингалъ, намъ къ играмъ приступить,
Почтить сраженіемъ умершаго героя?
Отборны воины готовы здѣсь для боя.
Но чтобы большее въ нихъ мужество возжечь;
Наградой лестною имъ предложи свой мечь.
Потщатся воины быть онаго достойны.

Фингалъ.

Надъ гробомъ храбраго, сраженія пристойны:
Отрадою и жизнь ихъ почиталъ твой сынъ.
Я побѣдителямъ не только мечь одинъ,
Но и мой звучный рогъ наградой предлагаю:
Познай, о Старнъ, какъ прахъ Тоскара почитаю.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Прежніе и осьмнадцать воиновъ Старновыхъ во всеоружіи выходятъ изъ за холма, и проходя мимо могилы Тоскаровой преклоняютъ оружія. Между ими идетъ Кариллъ. Потомъ изображаютъ они сраженіе, въ которомъ Кариллъ и другой воинъ, оставшись побѣдителями надъ прочими, сражаются между собою. Кариллъ обезоруживаетъ своего противника и оба являются предъ Старна, который подводитъ ихъ къ Фингалу для полученія предложеннаго награжденія.

Старнъ.

Фингалъ! какъ судія, какъ славный самъ боецъ,
Ты награди теперь отважность ихъ сердецъ.
Сему принадлежитъ твой рогъ далеко звучный.
А сей, предъ прочими въ битвѣ благополучный,
Пусть приметъ славный мечь отъ рукъ, Фингалъ, твоихъ.

Фингалъ.

(Воину отдавая свой рогъ.)

Прими мой рогъ . . . Всегда онъ воиновъ моихъ
Къ сражньямъ призывалъ, ихъ призывалъ ко славѣ.

(Къ Кариллу.)

А ты, искуснѣйшій изъ всѣхъ, который въ правѣ

Носить Фингаловъ мечь . . . Что вижу я? Кариллъ!
Тыль мужествомъ въ бою награду заслужилъ?
Въ отважности твоей увѣренъ былъ и прежде.
Вотъ мечь: отвѣтствуй ты всегда моей надеждѣ.
Но ты колеблешься, и не берешь его;
Смущенье на челѣ зрю духа твоего . . .
Что значитъ то?

Старнъ.

(Поспѣшно беретъ Фингаловъ мечь.)

(Къ Кариллу.)

Почто безмолвнымъ остаешься?
Иль недостойнымъ ты награды признаешься.

(Въ полголоса.)

Прими, бѣги и скрой страхъ слабыя души.

(Къ Фингалу.)

Иди, Фингалъ, на холмъ, и призну доверши.

(Фингалъ восходитъ на холмъ и беретъ чашу, поставленную на жертвенникѣ. Въ сіе самое время ударяютъ въ щитъ.)

Фингалъ.

Я слышу браней гласъ!

Старнъ.

И смерть тебѣ злодѣю!

Воины.

(Устремляются на холмъ.)

Умри, Фингалъ!

Фингалъ.

(Бросая чашу.)

И я оружья не имѣю!

(Увидѣвъ висящій на деревѣ мечь, срываетъ оный.)

Тоскаровъ вижу мечь, защитою мнѣ будь!

Старнъ.

(Остановившимся Воинамъ.)

Чего робѣете? врага пронзите грудь!

Фингалъ.

Лишь шагъ, и будетъ Старнъ моею первой жертвой.

Старнъ.

Не бойтеся угрозъ: пускай паду я мертвой,
Лишь кровію его спокойте сына прахъ.

Фингалъ.

Кто смѣетъ приступить?

Воины.

(Устремляются еще разъ.)

Умри!

Старнъ.

Разите!

Колла.

Страхъ!

Фингала воиновъ сюда ведетъ Моина.

(Воины удаляются къ сторонѣ Старна.)

Старнъ.

О ярость! не могу я отомстить за сына.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе, Моина, Уллинъ, воины Фингаловы.

Фингалъ.

(Бросается къ Моинѣ.)

Моина! нынѣ жизнь твоей любви мнѣ даръ!

Моина.

О радость! я могла тотъ отклонить ударъ,
Который наднесла невольно на Фингала:
Тебя на холмъ пославъ, на смерть я посылала.
Но естьли счастливо спасенъ ты нынѣ мной,
Останетсяль отецъ виновнымъ предъ тобой?

Фингалъ.

Достоинъ твой отецъ . . . но не окончу слова.
Взирай! страдаетъ какъ его душа сурова!
Но не раскаяньемъ сія душа полна:
Отмщеньемъ, злобою терзается она.

Старнъ.

Ты наконецъ позналъ мои сердечны чувства!

Фингалъ.

Познай и ты тщету коварнаго искуства.
Въ раставленну мнѣ сѣть ты самъ, о Старнъ, упалъ,
И саномъ возвышенъ, ты сердцемъ столько малъ,
Что нынѣ жизнь твоя отъ рукъ моихъ зависитъ.

Стрнъ.

Здѣсь жизнь ... отъ рукъ твоихъ? ... Фингалъ легко то мыслитъ.

Фингалъ.

Моими войсками отвсюду окруженъ,
По слову одному, ты можешь быть сраженъ,
И ты, и ратники, служители лукавства,
И казнь въ сей день принять достойную коварства.
По справедливости измѣну наказавъ,
Предъ всей твоей страной, предъ свѣтомъ буду правъ.
Но безоружнаго разитъ одинъ безчестный:
Съ моими мыслями поступокъ не совмѣстный!

Сколь сердцу Старнову всегда приятна месть,
Мнѣ столько же всегда священна будетъ честь.
Обиды отъ враговъ свирѣпый отомщаетъ,
Духъ кроткій ихъ простить, великій забываетъ.
Ты мстилъ, забуду я, вотъ разность между насъ!
Ты плѣнникомъ моимъ уже одинъ былъ разъ;
Теперь въ моихъ рукахъ: но будь опять свободенъ!
Миръ искренній со мной когда тебѣ не сроденъ,
Позволь ты дочери моей супругой быть,
И съ нею поспѣшу отъ сей земли отплыть.

Моина.

Какъ можешь рѣчь къ отцу толь обращать жестоку?

Фингалъ.

Быть твердымъ надлежитъ, какъ говоришь пороку.

Старнъ.

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

Сердечны чувствія и мой свирѣпый нравъ
Въ сей самый день, Фингалъ, въ несчастный день познавъ,
Ты хочешь, чтобъ я дочь тебѣ вручилъ супругой;
Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой?
Что право подаетъ? или мой плѣнъ, позоръ?
Иль лучше, на сей холмъ ты обратя свой взоръ,
На холмъ, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
Союза объяви мнѣ право и причину.
Печаль мою, и нравъ, и мщеніе порочь,
И докажи отцу, что долженъ нынѣ дочь
На самомъ холмѣ семъ, надъ прахомъ здѣсь сыновнымъ,
Тебѣ супругой дать согласіемъ виновнымъ.
Нѣтъ, нѣтъ, Фингалъ! межъ насъ несбыточенъ союзъ.
Отмщеніе! . . другихъ мнѣ нѣтъ съ тобою узъ.
Мнѣ бракъ предлогомъ былъ, но смерть твоя желаньемъ;
Дарить тебя хотѣлъ не дочерью, страданьемъ.

Не храмъ, готовилъ гробъ; не брачныхъ свѣтъ огней,
Но блескъ, но грозный блескъ убійственныхъ мечей.
Хотѣлъ, что бы погибъ ты смертію безчестной,
И не моей рукой, рукою неизвѣстной;
Дабы къ страданію по смерти ты возлегъ
На тучи хладныя, носящи градъ и снѣгъ;
Хотѣлъ тебѣ принесть, въ тѣ смертныя минуты,
Всѣ долговременны мои мученья люты.
Оденъ, судьба и дочь, мнѣ измѣнило все:
Не измѣнитъ теперь отчаянье мое.

(Вынимаетъ изъ пояса кинжалъ и стремится на Фингала. Моина, примѣтившая движеніе его руки, бросается спасти Фингала.)

Моина.

Что дѣлаешь, отецъ?

Старнъ.

Ещель остановляешь?

(Поражаетъ ее кинжаломъ.)

Несчастная умри, коль долгу измѣняешь!
И пусть со мною здѣсь погибнетъ весь мой родъ.

(Закалается.)

Фингалъ.

(Хочетъ устремиться на Старна, и воины Фингала за нимъ такъ же устремляются.)

Злодѣй!

Моина.

Постой Фингалъ! остановись народъ!
Мой горестный отецъ самъ нынѣ гнѣва жертва.

(Къ Фингалу.)

О радость! за тебя я упадаю мертва.

Фингалъ.

Увы! она прешла . . . . Неистовый отецъ!

Старнъ.

Ты страждешь горестью! И такъ я наконецъ
Доволенъ . . . . отомщенъ . . . . и счастливъ умираю. . .

(*Колла относитъ его на камень.*)

Фингалъ.

Моины нѣтъ! увы! я съ нею все теряю.
О злополучіе! о горестный ударъ!
И я живу еще? . . . . и жизнь Моины даръ;
Сей даръ несчастный мнѣ виной ея кончины!
И я живу еще? жить долженъ безъ Моины!
И всякій день въ мечтахъ ее я буду звать;
И будетъ всякій день мнѣ сердце отвѣчать,
Что я лишенъ ея, остался на мученье.
Мнѣ ждать ли, чтобъ судьба прервала дней теченье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустны дни?
Прерву . . .

(*Вырываетъ изъ рукъ Уллина мечь и хочетъ заколоться.*)

Уллинъ.

(*Останавливаетъ руку Фингала.*)

Фингалъ! тебѣ ль принадлежатъ они?
Ты Царь, съ народами священнымъ узломъ связанъ:
Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранить обязанъ.
Разсудка, должности днесь гласу ты внемли.

Фингалъ.

Увы! жестокій долгъ! мой другъ, изъ сей земли
Ты извлеки меня, изъ сей земли плачевной;
Но въ облегченіе моей тоски душевной,

(*Указывая на тѣло Моины.*)

Возми ты сей предметъ, что бы я каждый день
Изъ гроба воззывалъ Моины легку тѣнь.

(Въ отчаяніи упадаетъ къ Уллину, воины подходятъ къ тѣлу Моины; занавѣсъ опускается.)

Конецъ трагедіи.

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на большомъ театрѣ 1809 года, Маія 14 дня; во вторый, того же года, Маія 23 дня.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ типографіи Ивана Глазунова.

1819 года.

Новымъ изданіемъ печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюля 4 дня 1819 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦА:

АГАМЕМНОНЪ, Царь Аргоса и Микенъ - - - - - - - - - - - *Г. Яковлевъ.*

ПИРРЪ, сынъ Ахилловъ - - - - *Г. Щениковъ.*

НЕСТОРЪ, Царь Пилосса - - - *Г. Бобровъ.*

УЛИССЪ, Царь Итакскій - - - *Г. Сахаровъ.*

ГЕКУБА, вдова Пріяма, Царя Троянскаго - - - - - - - - - *Г-жа Каратыгина.*

ПОЛИКСЕНА, дочь ея - - - - *Г-жа Семенова 6.*

КАССАНДРА, другая дочь ея, плѣнница Агамемнонова - - - - *Г-жа Валберхова 6.*

Цари, военачальники и воины Греческіе.

Троянки плѣнницы.

Дѣйствіе происходитъ въ Троадѣ, послѣ взятія города Трои, въ станѣ Греческомъ.

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ Греческій станъ; въ сторонѣ шатеръ Пирровъ; на срединѣ могильный холмъ Ахилловъ, изъ за котораго видно море, вдали зарево пылающаго города Трои.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПИРРЪ, *одинъ близь могильнаго холма, опершись о гробовый камень.*

О тѣнь родителя, Ахилла грозна тѣнь,
Смири свой правый гнѣвъ! Въ наставшій нынѣ день,
Доколь блестящій Фебъ въ моря лучей не скроетъ,
Троянки кровь твой холмъ, могильный холмъ омоетъ,
И праха твоего здѣсь жажду утолитъ.
Когда Троянскихъ стѣнъ окрестъ развалинъ видъ
Еще твоей, Ахиллъ, не насыщаетъ мести;
Коль жертвы требуешь, верховной гробу чести;
Клянуся въ томъ тобой, чьей славой полонъ свѣтъ,
И сына твоего услышитъ пусть обѣтъ

Великій Юпитеръ, Олимпа обладатель,
Клятвопреступниковъ безжалостный каратель.
Такъ, онъ, коль жертвы здѣсь я крови не пролью,
Въ теченьи лѣтъ младыхъ пусть жизнь прерветъ мою,
И погрузитъ меня въ безчестное забвенье,
Какъ недостойное Ахиллово рожденье.
Но шествіе сюда зрю Греческихъ вождей.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПИРРЪ, АГАМЕМНОНЪ, НЕСТОРЪ и прочіе Греческіе вожди.

ПИРРЪ.

Величественный сонмъ Героевъ и Царей,
О ты, Агамемнонъ, о Несторъ прозорливый,
Вы всѣ, отъ коихъ палъ Пріамовъ градъ кичливый!
Благоволили вы по гласу моему
Притти ко холму днесь могильному сему,
Подъ коимъ мой отецъ, для памяти вселенной,
Съ безсмертнымъ именемъ свой прахъ оставилъ тлѣнной.
Вы помните, какъ онъ, средь мужественныхъ лѣтъ,
Среди своихъ торжествъ, въ теченіи побѣдъ,
Измѣною погибъ; судьба сему герою
Претила въ жизни зрѣть пылающую Трою,
Отъ коей черный дымъ на нашъ несется станъ.
Но гробовый предѣлъ Ахиллу не былъ данъ;
И смерть онъ побѣдивъ, на холмѣ семъ явился,
Пожарнымъ заревомъ и мертвый насладился.
Въ сію прошедшу ночь, какъ сладостный покой
Надъ станомъ царствовалъ съ глубокой тишиной,
И слышанъ былъ лишь стонъ падущихъ зданій въ Троѣ,
Внезапно прервалось молчаніе ночное,
Щитъ звонкій загремѣлъ, и въ золотой бронѣ,
Какъ яркая луна, отецъ явился мнѣ.

Въ немъ прежній образъ былъ, тотъ образъ въ гнѣвѣ страшенъ;
Три раза онъ вскричалъ, три раза въ градѣ съ башенъ
Мѣдяные верхи срывались съ шумомъ въ ровъ;
Такъ бывъ въ бездѣйствіи, онъ нѣкогда съ судовъ,
Зря наглыхъ воиновъ, стремящихся изъ Трои,
Единымъ голосомъ враговъ попятилъ строи,
Ихъ ужасомъ объялъ и Гектора смутилъ.
Троянки требуетъ разгнѣванный Ахиллъ,
Троянки, коей кровь надъ холмомъ симъ пролита,
Спокоила бы тѣнь героя знаменита.
Лаертовъ мудрый сынъ, Улиссъ, уже въ сей часъ
Предъ олтаремъ, и съ нимъ всевѣдущій Калхасъ
Во внутренней тельцовъ, рукой жреца пожертыхъ,
Стараются прочесть и волю знать безсмертныхъ,
Котору плѣнницу намъ въ жертву должно несть.
Откажетель, Цари, отдать Ахиллу честь,
Приличну доблестямъ мужей богоподобныхъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Иль мало почестей мы отдали надгробныхъ
Ахилла памяти, чтобъ послѣ брани вновь
Невинной проливать Троянки нынѣ кровь?
Жестокосердіе, обидой возбужденно,
Въ побѣдѣ надъ врагомъ быть должно укрощенно;
Простительно въ бояхъ, какъ гнѣвомъ духъ кипитъ,
Оно постыдно въ часъ, какъ врагъ у ногъ лежитъ
Смиренъ, уничиженъ, и плѣномъ отягченный.
Коль грозный твой отецъ, и въ гробѣ заключенный
Еще не преставалъ отмщеніемъ дышать;
То подвигъ сына могъ его тоску скончать,
И тысячи тѣней, сшедъ въ царствіе Плутона,
Повѣдали, что въ ночь нещастья Иліона,
Отъ Пирра сильнаго палъ Трои дряхлый Царь;
Что кровію его ты обагрилъ олтарь,
Предъ коимъ старецъ сей надѣялся пощады.
Ахилла ярость тѣмъ исполнилъ ты отрады,
И долженъ въ гробѣ днесь почить съ покоемъ онъ.

ПИРРЪ.

Не могъ я ожидать, чтобы Агамемнонъ,
Когда родителю прошу достойной тризны,
За смерть Пріамову мнѣ дѣлалъ укоризны.
Не оный ли Пріамъ отецъ Париду былъ?
Париду наглому, который воружилъ
Отмщенье Греціи и гнѣвъ боговъ вселенной;
Париду, коего стрѣлой погибъ измѣнной
Средь брачна торжества божественный Ахиллъ.
Нѣтъ, смертію Пріамъ мнѣ мало заплатилъ
За жизнь, котору далъ преступному онъ сыну;
И въ правой ярости имѣлъ бы я причину
Противный истребить Пріамовъ цѣлый родъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Утѣшься! Истребленъ Троянскій весь народъ;
И башни рушенны Пріамовой столицы
Являютъ мрачный видъ народныя гробницы.
Надъ чѣмъ же наконецъ воздержимъ мы нашъ гнѣвъ?
Иль оный простирать на вдовъ, сиротъ и дѣвъ,
Остатки горестны исчезнувшаго града?
Но нашей храбрости ихъ рабство днесь награда;
Ихъ жизнь купили мы сражаясь десять лѣтъ;
И Греческихъ вождей предъ симъ рѣшилъ совѣтъ,
Чтобъ жребій между насъ распредѣля плѣненныхъ,
Живыхъ поработилъ на грудѣ убіенныхъ.
Супруга Гектора тебѣ пришла на часть;
Вдова Пріамова, прежившая напасть,
Котора чадъ ея и мужа поразила,
Властителемъ себѣ Улисса получила;
Кассандра, дочь ея, досталась мнѣ въ удѣлъ,
Кассандра, коей гласъ совѣтъ Троянъ презрѣлъ,
Какъ вдохновенная внушеньемъ Аполлона,
Предсказывала имъ погибель Иліона,
И въ нѣдрахъ конскихъ смерть, и роковую ночь.
Отъ чадъ Пріамовыхъ одна осталась дочь

Свободною средь насъ: младая Поликсена,
Ахиллу нѣкогда невѣстой обрученна.
Ахиллову любовь почтили Греки въ ней;
Весь прочій въ Трои плѣнъ межъ воевъ и вождей
Случайность жребія тогда же раздѣлила.
Какой же робкій вождь для мертваго Ахилла
Захочетъ удѣлить отъ плѣна своего,
И въ жертву то принесть, что мужества его
Передъ отечествомъ быть должно увѣреньемъ?
Передъ отечествомъ, куда давнобъ съ стремленьемъ
Ахейскіе неслись веселы корабли,
Сокровищь полные Троянскія земли.
Но боги премѣнивъ обычный чинъ природы,
Наслали мертвый сонъ на воздухъ и на воды:
Нѣтъ вѣтра на поляхъ, недвижимъ зыбкій понтъ,
И десять дней безъ тучь пылаетъ горизонтъ.
Въ сіи ли дни неся плачь новый безпокровнымъ,
Мы раздражимъ боговъ убійствомъ хладнокровнымъ?

ПИРРЪ.

Давноль Аргоса Царь сталъ жалостливъ душей?
Сей нежалѣвшій Царь о дочери своей,
Какъ Ифигенію въ Авлидскомъ сборномъ станѣ,
Онъ въ жертву предавалъ разгнѣванной Діанѣ.

АГАМЕМНОНЪ.

Я молодъ былъ тогда, какъ нынѣ молодъ ты;
Но годы пронесли тщеславія мечты,
И жизни перейдя волнуемое поле,
Сталъ менѣ пылокъ я, и жалостливъ сталъ болѣ;
Нещастьи собственны заставили внимать
Нещастіямъ другихъ и скорбнымъ сострадать.
Ты бѣдъ не испыталъ; но павшій съ Иліономъ
Пріамъ тебѣ примѣръ. Ты размышляй объ ономъ,
Доколь познаешь самъ изъ участи своей,
Что злополучіе училище Царей.

ПИРРЪ.

Повѣдай лучше намъ, что ненависть къ Ахиллу,
Котору ты простеръ за темную могилу,
Что зависть, коей ты къ нему скрывать не могъ,
Виной твоихъ рѣчей, а жалость лишь предлогъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Предлогъ иль нѣтъ; но знай, что изъ числа нещастныхъ,
Пришедшихъ мнѣ въ удѣлъ иль въ тѣнь моихъ подвластныхъ,
Я Пирру не предамъ для жертвы ни одной.
Когда въ наслѣдіе тебѣ родитель твой
Оставилъ съ храбростью жестокость лишь едину,
То недругъ бывъ отцу, противникъ буду сыну.

ПИРРЪ.

Неправую вражду ты властенъ продолжать
Изъ рода въ родъ; но ты не властенъ отказать
Въ достойной почести погибшему герою,
Котораго ты самъ на смерть призвалъ подъ Трою,
Который первый далъ, льстя пышности твоей,
Блестяще званіе тебѣ Царя Царей.
Но духомъ гордые, подобные Атриду,
Благотвореніе считаютъ за обиду.
По щастью власть твоя надмѣнная пришла;
Во станѣ Греческомъ народныя дѣла
Отъ сонма мудраго вождей зависятъ нынѣ.
И естьли будетъ днесь угодно то судьбинѣ,
Чтобы Калхасовъ гласъ намъ въ жертву указалъ
Одну изъ плѣнницъ тѣхъ, которыхъ ты избралъ,
То я надѣюся, что жертву выдать ону,
Могущіе вожди велятъ Агамемнону,
Иль самъ до шатра я достигну твоего.
Коль долгъ велитъ, щадить не буду никого,
По выбору боговъ, безъ всѣхъ лицепріятій,
Кассандру самую я изъ твоихъ объятій
Исхитивъ, привлеку на сей надгробный холмъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Кассандру! . . . Нѣтъ; вождей благоразумный сонмъ,
Предъ тѣмъ, какъ мнѣ велитъ предать тебѣ Кассандру,
Воспомнитъ, что привелъ я сто судовъ къ Скамандру,
Помыслитъ о числѣ подвластныхъ воевъ мнѣ,
И не подастъ причинъ къ кровавой вновь войнѣ.
Ты самъ, о Пирръ, ты самъ прими совѣтъ полезный!
Коль въ жертву днесь Калхасъ, толкуя гласъ небесный,
Кассандру назоветъ. . . Калхасу ты не вѣрь.

Хочетъ итти.

НЕСТОРЪ, *останавливая Агамемнона.*

Постой, Агамемнонъ, и гнѣвъ ты свой умѣрь;
А ты, о Пирръ! смири сію нескромну ревность;
Послушайте меня. Настигнувшая древность
Мнѣ право подаетъ совѣты предлагать;
Тотъ истинно великъ, кто можетъ имъ внимать
Средь волнъ шумящихъ чувствъ, отъ ярости возженныхъ.
Въ примѣръ примите вы героевъ тѣхъ священныхъ,
Которыхъ нѣкогда я видѣлъ на земли;
Ужъ нѣтъ и ихъ сыновъ, ихъ внуки отцвѣли,
И Несторъ переживъ ихъ всѣхъ, въ гробахъ уснувшихъ,
Межъ васъ, какъ памятникъ временъ давно минувшихъ.
Герои оные, подобные богамъ,
Внимали съ кротостью всегда моимъ словамъ;
Коль съ сими смертными сравниться вы хотите,
Подобно имъ, свой слухъ къ совѣтамъ преклоните.
Агамемнонъ! почти Ахилловъ славный прахъ;
Его вся жизнь была, иль смерть врагамъ, иль страхъ;
Имъ Гекторъ грозный палъ, оплотъ твердѣйшій Трои,
Предъ кѣмъ, какъ предъ стѣной, остановлялись вои,
Котораго сразивъ божественный Ахиллъ,
Въ потрясшійся тѣмъ градъ намъ легкій путь открылъ.
Не откажи, о Царь, герою честь приличну,
И нравамъ Греческимъ, къ нещастію, обычну,

Коль прорицаніе, въ желаемый отвѣтъ,
Черезъ уста жреца намъ жертву назоветъ.

Къ Пирру:

А ты, о юноша! Умѣря лѣтъ стремленье,
Храни къ Царю Царей достойное почтенье.
Великій Юпитеръ изъ смертныхъ никому
Не удѣлялъ судьбы, какую далъ ему,
Ущедривъ дни его могуществомъ и славой.
Чѣмъ раздражать въ немъ духъ угрозою неправой,
Ты лучшебы замѣнъ богатый предложилъ,
И въ жертву плѣнницу сокровищемъ купилъ.
Такъ, убѣжденія смиренными рѣчами
Вѣрнѣе дѣйствуемъ надъ сильными сердцами,
Чѣмъ языкомъ угрозъ и укоризной словъ.
Но къ намъ Улиссъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Всѣ прежніе и УЛИССЪ.

АГАМЕМНОНЪ.

Какой отвѣтъ боговъ
Ты намъ принесъ Улиссъ?

УЛИССЪ.

Хранятъ молчанье боги.
Какъ свѣтъ обманчивый среди ночной дороги
Мгновеньемъ блеснетъ, и изчезаетъ вдругъ,
Оставя путнику пустынный мракъ вокругъ:
Такъ прорицанія въ Калхасѣ духъ ужасный
Три раза возгаралъ и замиралъ безгласный.
Вотще маститый жрецъ, отъ юности своей
Достигшій старости подъ сѣнью олтарей,
Въ трепещущихъ сердцахъ и жертвъ въ потокахъ кровныхъ,
Усердно вопрошалъ боговъ; — вездѣ безмолвныхъ,

Вездѣ суровость ихъ встрѣчалъ Калхаса взоръ,
И небеса съ землей отвергли разговоръ.
Конечно нѣкое сокрыто преступленье,
Подвигло грозное безсмертныхъ оскорбленье,
И никогда еще ни боги, ни Калхасъ,
Въ подобный мракъ ума не погружали насъ.

ПИРРЪ.

Добычей обдѣленъ Ахиллъ, богамъ любезной,
И удивляетесь вы ярости небесной!
Боготворимъ въ живыхъ, забвенъ отъ Грековъ мертвъ,
Оставленъ прахъ его безъ почестей и жертвъ.
Но за него теперь могущіе мстятъ боги;
И въ тишинѣ морей являяся намъ строги,
Къ отечеству претятъ путь Греческимъ судамъ,
Примкнувъ кормами ихъ къ нещастнымъ симъ брегамъ;
Къ брегамъ, гдѣ всюду видъ разрушенной природы,
Гдѣ дышимъ смрадъ отъ тѣлъ, гдѣ пьемъ кровавы воды,
И гдѣ упорствуя въ нечестіи сердецъ,
Мы надъ добычею погибнемъ наконецъ.
О Гречески сыны! загладимъ преступленье,
Почтимъ героя прахъ, и жертвоприношенье,
Пусть съ нами примиритъ Ахилла и боговъ.
Хотя уста жреца осталися безъ словъ;
Но ихъ молчаніе мнѣ жертву указало.
Простыя плѣнницы герою было мало:
Его спокоитъ тѣнь лишь Поликсены кровь.
Высокій родъ ея, Ахилла къ ней любовь,
Прелестна красота, нещастныя причины
Предсказанной отцу безвременной кончины,
Свобода самая, которою она
Изъ всѣхъ Троянокъ здѣсь отъ Грековъ почтена,
Все дѣлаетъ ее достойной нынѣ жертвой,
И обрученную женихъ давно ждетъ мертвой.

АГАМЕМНОНЪ.

Прямый Ахилловъ сынъ! Суровый до конца,

Ты превзошелъ еще жестокостью отца.
Когда Калхасъ молчитъ и нѣмо прорицанье,
Ты кровожаждущимъ толкуешь ихъ молчанье,
Ты предлагаешь намъ, придавши гнѣвъ имъ свой,
Купить съ богами миръ злодѣйствія цѣной!
И чью ты смерть изрекъ? Невинной Поликсены,
Которой дни тебѣ должны бы быть священны,
Котора видѣла предъ брачнымъ олтаремъ
Супруга нѣжнаго въ родителѣ твоемъ.
И мыслишь ты, что симъ боговъ смягчить удобно?
Ахъ! естьли объяснять судьбы, тебѣ подобно,
Почто не думать намъ, что мстятъ безсмертны днесь
За кровь, которою нашъ мечъ упился здѣсь?
За кровь нещастныхъ дѣвъ, вдовицъ и малолѣтныхъ,
И старцевъ горестныхъ, и оныхъ жертвъ несчетныхъ,
Которы въ слабости и въ немощи своей
Спасенье мнили зрѣть отъ острія мечей?
Или, почто еще не полагать, что боги
Сомкнули путь морей, чтобъ берегомъ дороги
Мы нашей храбростью къ отечеству нашли?
Хотябъ чрезъ каждый шагъ, и въ каждой намъ земли
Встрѣчались новыя въ теченіи препоны,
И новы Гекторы, и новы Сарпедоны,
Хотябъ намъ смерть въ пути боговъ назначилъ гнѣвъ:
Смерть честну предпочтемъ убійству слабыхъ дѣвъ.

ПИРРЪ.

Указывая намъ толь славные походы,
Ты льстишься въ гордости, что Гречески народы
Опять тебя вождемъ надъ войскомъ назовутъ.
Но пусть нашъ споръ рѣшитъ Царей всеобщій судъ.

УЛИССЪ.

Совѣтъ могущаго всегда великодушенъ.
И кто изъ насъ, вожди! остался бы преслушенъ,
Когда Агамемнонъ и чести гласъ зоветъ
На новы подвиги и въ новый путь побѣдъ?

Но можноль чувству тамъ предаться намъ свободно,
Гдѣ долженъ умъ избрать спасеніе народно?
Погибни смертный тотъ, корыстью кто ведомъ,
Въ совѣтахъ говоритъ пристрастнымъ языкомъ;
И тотъ, кто отъ гражданъ принявъ верховны правы,
Ихъ расточаетъ жизнь для личной только славы.
Мы войско собрали, и боги помогли,
Чтобъ разореніемъ Троянскія земли,
Потомства въ памяти напечатлѣть обиду,
За кою мстили мы преступному Париду;
Предметъ сей брани былъ предъ свѣтомъ справедливъ.
Но земли чуждыя оружіемъ покрывъ,
Какой предлогъ дадимъ? И кто изъ нашихъ воевъ
Захочетъ вдаль итти, искать кровавыхъ боевъ,
Опасностей другихъ, другихъ тяжелыхъ ранъ,
И смерти, можетъ быть, котору черный вранъ
Уже предчувствуетъ, и ждущій въ полѣ дикомъ
Зоветъ нещастнаго своимъ печальнымъ крикомъ?
Ужасна мысль, Цари, отъ коей я и самъ
Здѣсь содрогаюся, изображая вамъ!
Но Грекамъ мысль сія на вѣрное явится;
Воображенье ихъ и гнѣвъ воспламенится.
И можетъ быть они воспомня въ оный часъ
Молчаніе боговъ, ночный Ахилловъ гласъ,
Безвѣтріе стихій и жертвоприношенье,
Дадутъ всему свое ужасно объясненье;
И въ нетерпѣніи къ отечеству отплыть,
Не устрашатся въ честь Ахиллову пролить
Не только кровь одной Пріама скорбной дщери;
Но кровь Троянокъ всѣхъ, которыхъ здѣсь, какъ звѣри
По стану рыская, иль встрѣтятъ, иль найдутъ.
Предупредимъ, вожди, народа буйный судъ!
И какъ ни горестно убійство Поликсены,
Но бѣдства только симъ быть могутъ отвращенны.

НЕСТОРЪ.

Увы! почто до сихъ я дожилъ скорбныхъ дней,

Въ которы должно мнѣ на старости моей,
Признавъ надъ міромъ симъ судьбу неумолиму,
Невинность осудить на смерть необходиму.
Но знаю я народъ. Кто мыслитъ обуздать
Его средь ярости, тотъ хочетъ удержать
Иль море шумное, иль горный вѣтръ бурливый.

АГАМЕМНОНЪ.

И такъ, васъ убѣдилъ Улиссъ краснорѣчивый!
Злодѣйство новое Троянскій узритъ край!
Но знайте, что ни я, ни братъ мой Менелай,
Согласіемъ никакъ не утвердимъ совѣта,
Который возбудитъ негодованье свѣта.
Какуюбъ нужду вы тому ни привели,
По справедливости на всемъ лицѣ земли,
Средиль цвѣтущихъ селъ, средиль лѣсовъ пустынныхъ,
Въ вѣкъ имя проклято губителя невинныхъ.
Возставьте на себя вселенны грозный гласъ
И правый судъ боговъ. Я оставляю васъ.

Агамемнонъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПИРРЪ, НЕСТОРЪ, УЛИССЪ и прочіе Греческіе вожди.

ПИРРЪ.

Довольно, о Цари, вы знаете Атридовъ:
Всегда лишь дѣйствуютъ они изъ личныхъ видовъ.
Но въ ихъ согласіи теперь намъ нужды нѣтъ,
Коль Поликсены смерть назначилъ вашъ совѣтъ.
Въ твоихъ шатрахъ, Улиссъ, при матери плачевной
Осталася она отрадою душевной.
Ахилла именемъ, котораго ты чтилъ,
Кого предъ Греками во славѣ ты явилъ,
Исхитивъ нѣкогда его младые годы

Изъ нѣги, въ коей честь скрывалъ своей породы;
Симъ именемъ тебя я заклинаю здѣсь
Привесть Гекубы дочь, которой смертью днесь
Мы тѣнь Ахиллову на вѣки успокоимъ.

НЕСТОРЪ.

Но сколь сей смертію Гекубы плачь удвоимъ!
Нещастная жена, нещастливая мать,
Семейство по частямъ она должна терять,
И скорбей всѣхъ земныхъ испить тяжелу чашу.

Къ Улиссу:

О мудрый изъ Царей! Ты вспомнивъ бренность нашу,
Щади и мать и дочь въ печальный оный часъ,
Какъ долженъ возвѣстить разлуку ихъ твой гласъ.
Кто милосердіемъ долгъ строгій умѣряетъ,
Тому и слухъ боговъ въ день горести внимаетъ.

УЛИССЪ.

О Несторъ, скорбныхъ другъ, я чувствую съ тобой
Какъ жизнь Царицы сей утомлена судьбой!
И естьли облегчить могу Гекубы долю,
Окончивъ для нее печальную неволю,
То пусть свободная въ союзныя страны
Прейдетъ, и сыщетъ тамъ забвенье сей войны.
Но щедрости вождей я несомнѣнно вѣрю,
Что замѣнитъ она мнѣ плѣнницы потерю.

ПИРРЪ.

Замѣнъ тебѣ отдать мнѣ должно одному.
Скажи, что можетъ льстить желанью твоему:
Треножникъ ли златый, иль хитрошвенны ткани,
Или что цѣнное, добытое въ сей брани,
Въ сокровищахъ моихъ пусть взоръ твой изберетъ.
Но помни, что Ахиллъ твоей услуги ждетъ.
Чрезъ два часа веди назначенную жертву:
Чрезъ два часа сей холмъ ее увидитъ мертву,

Сраженну не жрецомъ, но Пирровой рукой.
Я вѣчный возвращу родителю покой,
Соединя его въ могилѣ съ Поликсеной.
Иду готовиться къ сей должности священной;
А васъ, Цари, зову присутствіемъ своимъ
Почтить свершаемый обрядъ надъ холмомъ симъ.
Услышитъ васъ Ахиллъ; герой не умираетъ:
Нѣтъ, гласамъ похвалы и прахъ его внимаетъ.
Съ нимъ боги раздѣлятъ и честь и фиміамъ,
И разрѣшатъ моря и вѣтръ попутный намъ.

КОНЕЦЪ

перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ станъ Улиссовъ, и дѣйствіе происходитъ передъ его шатрами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и другія Троянки плѣнницы.

ГЕКУБА и ПОЛИКСЕНА *выходятъ изъ шатра при пѣніи послѣдней строфы хора.*

Хоръ женъ и дѣвъ Троянскихъ:

О горе намъ! Брега родимы
Покинуть скоро мы должны,
И чрезъ моря неизмѣримы
Отплыть въ безвѣстныя страны.

* * *

Оставимъ здѣсь мы прахъ священный,
Почившихъ смертію отцовъ;
Сей прахъ, въ молчанье погруженный,
Не воззовется изъ гробовъ.

* * *

Птицъ хищныхъ стая водворится
Надъ градомъ, обращеннымъ въ тлѣнъ;
И звѣрь пустынный поселится
Въ развалинахъ Троянскихъ стѣнъ.

ГЕКУБА.

Прервите томный стонъ, о дщери Иліона!
До сердца каждый звукъ сего доходитъ стона,
И каждый звукъ, увы! напоминаетъ мнѣ,
Что я источникъ бѣдъ плачевной сей странѣ,
Парида породивъ, для Трои язву люту.
Почто небесный громъ въ ту пагубну минуту,
Когда раждался онъ, не поразилъ меня?
Иль пламя для чего подземнаго огня
Съ нещастной матерью не поглотило сына?
Благословенная была бъ моя кончина!
Еще бы Иліонъ блисталъ на сихъ брегахъ;
Еще бы мой супругъ въ почтенныхъ сѣдинахъ
Сидѣлъ между сыновъ за трапезой пріемной,
Къ которой смѣло шелъ всякъ путникъ иноземной,
Дивясь могуществу и щедрости Царя!
Но слава та, мнѣ въ казнь, погасла какъ заря!
Я въ домъ пріяла мой съ Еленою злодѣйство;
И Грековъ острый мечъ пожалъ мое семейство,
Какъ рѣзкій серпъ жнеца на нивѣ жнетъ класы.
Щадите грусть мою въ жестокіе часы,
Когда подъ заревомъ пылающей столицы,
Вы зрите тяжкій плѣнъ и нищету Царицы.

ПОЛИКСЕНА, *подаетъ знакъ Троянкамъ, чтобъ удалились.*

О матерь горестна! ты можешь ли себѣ
Приписывать бѣды, угодныя судьбѣ?
Какъ смертные бы ихъ избѣгнуть ни хотѣли,
Судьба приводитъ насъ къ назначенной намъ цѣли.
Не тыль единожды Оракулу внимавъ,
Къ спасенью сей страны скрѣпила нѣжный нравъ,
И въ сердцѣ заглушивъ умильный гласъ природы,
Парида нѣкогда младенческіе годы
На смерть пустынную извергла въ нѣдра горъ?
И тамъ рука боговъ, готовя намъ позоръ

И день плѣненія, Парида сохранила
На пагубу Троянъ, на пагубу Ахилла. . .
Но имя чье, увы! произнесла теперь
Твоя нещастная, забывшаяся дщерь!
Когда Гекуба днесь стенаетъ сокрушенна,
О горестяхъ своихъ вѣщаетъ Поликсена!
Мнѣль грустію моей печали умножать,
Отъ коихъ предо мной моя страдаетъ мать?
Нѣтъ, скорбь душевная пусть скрыта остается;
Пускай твоя тоска въ слезахъ ко мнѣ прольется.
На пламенную грудь тѣ слезы я приму,
Тѣ слезы горькія, коль сердцу своему
Ты можешь въ нихъ найти печали утоленье.

ГЕКУБА.

Ахъ! ты ли подаешь прискорбной утѣшенье?
О Поликсена! ты, которую страдать
На свѣтъ произвела твоя плачевна мать!
Когда судили мнѣ непостижимы боги
Нести ихъ гнѣвъ въ концѣ сей жизненной дороги,
Они надеждою мой укрѣпили духъ,
Что смерть, нещастливыхъ послѣдній, скромный другъ,
И сокрушающій гоненіе и злобу,
Отверзетъ скоро мнѣ сырой земли утробу,
Куда уже давно склоняюся отъ лѣтъ.
Но ты, дочь милая! какъ ранній, нѣжный цвѣтъ,
По безвременницѣ подверженный ненастью,
Ты привыкать должна съ весны своей къ нещастью.
Сей мыслью болѣе еще терзаюсь я!
Быть можетъ въ горестяхъ возропщешь на меня;
Скитаясь въ нищетѣ, и съ ней влача презрѣнье,
Ты будешь клясть и жизнь и самое рожденье.

ПОЛИКСЕНА.

Нѣтъ! Матерь нѣжную всегда благословлю,
И жизнь и строгій рокъ въ смиреньи претерплю.

ГЕКУБА.

Отрады въ жизни сей не зрѣвъ себѣ нималой,
День каждый болѣе въ душѣ своей усталой
Ты будешь унывать. — Тотъ можетъ лишь одинъ
Сносить съ терпѣніемъ неправый гнѣвъ судьбинъ,
И жизнью не скучать, кто былъ щастливымъ прежде,
Или щастливымъ быть остался кто въ надеждѣ.
Но ты, о дочь моя! отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Считая дней число числомъ постигшихъ бѣдъ,
Надъ чѣмъ ты мыслію спокоишься тосклива?

ПОЛИКСЕНА.

И я была равно въ свою чреду щастлива,
Въ тѣ радостные дни, въ которые Ахиллъ
Троянамъ свой союзъ, мнѣ сердце предложилъ;
Въ тѣ дни, когда любя и страстно бывъ любима,
Я видѣла у ногъ вождя непобѣдима,
Столь грознаго для всѣхъ, столь нѣжнаго ко мнѣ;
Когда родителю, отеческой странѣ,
Въ немъ видѣть твердый щитъ мечтала Поликсена:
И щастьемъ, славою, любовью упоенна,
Казалось мнѣ, что я въ сіяніи лучей,
Ахилломъ приданныхъ любовницѣ своей.
Надеждой возносясь супругой быть герою,
Которымъ я спасу отца, семейство, Трою,
Который для меня преобразитъ весь міръ,
Я въ полубогѣ семъ мой видѣла кумиръ.
Но, ахъ! въ единый день, иль лучше, въ часъ единой,
Все щастіе мое разрушено судьбиной!
Мой бракъ завистенъ сталъ враждующимъ богамъ;
Въ кроваво поприще преобразился храмъ,
И мертвый палъ Ахиллъ, и алчная могила
Всѣ радости мои съ любезнымъ поглотила.
Когда могла прежить того, кто былъ столь милъ,
То я найду въ себѣ еще довольно силъ,

Чтобъ жизнью не скучать, какъ жизнь ни будетъ слезна.
И мыслью отдохну, что я тебѣ полезна.

ГЕКУБА.

Ужель ты думаешь послѣдовать за мной
Въ страну, куда меня Улиссъ влечетъ рабой?
Гдѣ руки слабыя Царицы престарѣлой
Обременитъ сей вождь работою тяжелой,
И плѣномъ изнуритъ мой нищій духъ въ конецъ?

ПОЛИКСЕНА.

Или есть смертные жестокихъ толь сердецъ,
Чтобъ мнѣ препятствовать быть спутницей твоею,
Твою покоить грусть любовію моею?
Ахъ, нѣтъ! на край земли, такъ, въ самый дикій край,
Меня сопутницей ты видѣть уповай.
Такъ, слѣдую съ тобой въ иноплеменну землю;
Твой плѣнъ, труды, печаль, на рамена пріемлю,
И съ ношей буду сей въ пути моемъ тверда.
Но только, нѣжна мать, къ отрадѣ иногда
Въ свободные часы мы будемъ плакать вмѣстѣ.
Вдова Пріамова къ Ахилловой невѣстѣ
На грудь стѣсненную преклониться главой,
Слезу горячую съ моей сольетъ слезой,
И мысль свою занявъ воспоминаньемъ милымъ,
Исполниться нашъ духъ веселіемъ унылымъ.

ГЕКУБА.

О боги милостей, хвалы внемлите гласъ!
Еще послали вы мнѣ сладкій въ жизни часъ.
Благословенное и доброе рожденье!
Приди въ объятія, и радостно біенье
Ты сердца моего почувствуешь сама,
Коль въ благодарности я остаюсь нѣма.
О боги! за нее молить я васъ не смѣю;
Уже давно мольбой скучаете моею;

Но естьли правый судъ взираетъ на дѣла,
Коль добродѣтель вамъ межъ смертными мила,
То вашъ благій совѣтъ пусть призритъ Поликсену! —
Кассандру вижу я идущую смущенну.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА.

ГЕКУБА, *къ Кассандрѣ:*

Скажи, дочь грустная, къ какимъ опять бѣдамъ
Твой мрачный зракъ велитъ приготовляться намъ?
Или ужъ день насталъ предчувствованной муки,
И вѣтръ подулъ съ бреговъ, предвѣстникъ намъ разлуки?

КАССАНДРА.

Нѣтъ, связаны еще стихіи тишиной.
Но передъ тѣмъ, какъ съ сей разстанемся страной,
И подходя къ судамъ на вѣчную разлуку,
Въ послѣдни подадимъ между собою руку,
И здѣсь въ послѣдній разъ родимыхъ обоймемъ,
Быть можетъ новыхъ слезъ источникъ мы найдемъ.

ГЕКУБА.

Источникъ новыхъ слезъ намъ долженъ здѣсь открыться,
Когда и первыя не могутъ истощиться,
Когда и въ шумѣ дня, и въ тишинѣ ночей,
Не осушаю я отъ слезъ моихъ очей!
О сколь ужасенъ даръ, который открываетъ
Тѣ бѣдства, кои намъ судьба приготовляетъ!
Какъ роковый вѣщунъ, всегда Кассандры гласъ
Печали разсѣвалъ и ужасъ между насъ.
Едва отрады лучь блеснулъ въ душѣ Гекубы,
И возвѣщаешь ей ты горести сугубы.

КАССАНДРА.

Кляну и я давно нещастливый тотъ даръ,
По коему могу предвидѣть лишь ударъ,
Но какъ ударъ отвесть, предвидѣть не умѣю.
Спокойнѣе сама была бы я душею,
Когдабъ мнѣ данный духъ не проницалъ премѣнъ,
Сокрытыхъ въ будущемъ завѣсою временъ.
Не видѣла бъ вдали погибели сужденной,
И ждущея меня въ странѣ иноплеменной,
Гдѣ сѣти смертныя супругу сплетены
Коварною рукой невѣрныя жены,
И гдѣ Агамемнонъ. . . . Но вашего вниманья
Собою не займу. Довольно здѣсь рыданья
Троянкамъ вообще принесть сей долженъ день.
На холмѣ гробовомъ Ахилла страшна тѣнь
Въ сію явилась ночь отъ смерти возбужденна.

ПОЛИКСЕНА.

Что говоришь ты? Тѣнь супруга!

КАССАНДРА.

Поликсена,
Въ часъ гибели съ тобой онъ обрученнымъ былъ!
Не знаю, что вѣщалъ явившійся Ахиллъ;
Но горъ верхи едва блѣднѣли отъ разсвѣта,
Когда Агамемнонъ былъ призванъ для совѣта;
Вожди сбиралися по близости шатровъ,
Гдѣ Пирръ, толь духомъ гордъ и сердцемъ толь суровъ,
Питаетъ ненависть къ остаткамъ Иліона.
Я устрашилася узрѣвъ Агамемнона,
Какъ возвратился онъ оттоль къ своимъ шатрамъ.
По мрачному челу, сверкающимъ очамъ,
По быстротѣ во всѣхъ его движеньяхъ видной,
Я заключить могла, что гнѣвъ, на сердцѣ скрытной,
И жалость явная волнуютъ душу въ немъ. —
Иди, сказалъ онъ мнѣ, въ присутствіи твоемъ

Гекуба можетъ быть днесь нужду возъимѣетъ;
Какой безжалостный о ней не пожалѣетъ! —
Сіи слова Царя, его смущенный взоръ,
И все являетъ мнѣ, что смерти приговоръ
Межъ насъ еще одной, изрекъ совѣтъ убійства:
И можетъ быть Атридъ замолкъ противъ витійства
Улисса хитраго, искуснаго въ рѣчахъ.

ГЕКУБА.

Какой по сердцу мнѣ распространяешь страхъ!
Ахиллъ.... совѣтъ вождей.... и смерть!... Я цѣпенѣю,
И мыслей смѣшанныхъ остановлять не смѣю.

КАССАНДРА.

Увы! познаемъ все, Улиссъ идетъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Всѣ прежніе и УЛИССЪ.

ГЕКУБА, *къ Улиссу:*

Коль стонъ страдающихъ возмогъ, Улиссъ, когда
Тебя разжалобить, внемли своей рабынѣ!
Скажи, какую скорбь готовите мнѣ нынѣ?
То правдаль, что Ахиллъ въ молчаніи ночномъ
Явился къ ужасу на холмѣ гробовомъ?
Что симъ явленіемъ всѣ Греки устрашенны,
Противъ Троянокъ вновь подвиглись раздраженны?
Что смерть здѣсь носиться надъ нашею главой?
Когдабъ ея ударъ низвергся надо мной!
Пріамовой земли подъ глыбы сокровенна,
Я бъ отдохнула тамъ отъ горести и плѣна.

УЛИССЪ.

Твой плѣнъ окончился.

ГЕКУБА.

Ты плѣнъ кончаешь мой?
Что слышу я! Но кто, кто щедрою рукой
Мой выкупъ заплатилъ?

УЛИССЪ.

Нещастія и старость,
Гнетущія тебя, подвигнули на жалость
Великодушіе собравшихся Царей;
Сердца спокоилъ ихъ я вольностью твоей.
Свободна, можешь ты мой станъ въ сей день оставить,
Въ страны союзныя свой трудный путь направить,
Искать пристанища въ дому друзей твоихъ.

ГЕКУБА.

Друзей! Нещастные когда находятъ ихъ?
Имѣла нѣкогда и я друзей усердныхъ,
Но всѣ истреблены рукой немилосердыхъ!
Стремительный вашъ гнѣвъ, лѣтъ десять безъ премѣнъ,
Разсѣялъ кости ихъ вокругъ Троянскихъ стѣнъ.
Союзники, друзья, супругъ и дѣти милы,
Подъ Троей всѣ легли, всѣ снѣдію могилы;
Или въ оковахъ днесь у воя иль Царя
Рабами отплывутъ за дальнія моря.

Указывая на Поликсену.

Вотъ другъ единый мнѣ, оставшійся въ природѣ,
Съ которой я могу о данной мнѣ свободѣ
Въ убогой хижинѣ веселье раздѣлять,
И тамъ за оный даръ тебя благословлять.

УЛИССЪ.

Съ душевной горестью то упованье лестно
Разрушить долженъ я. Когда тебѣ извѣстно,
Что въ ночь сію Ахиллъ отъ гроба возставалъ,
То знать уже должна, что Грекамъ онъ вѣщалъ.
Онъ кровью хочетъ зрѣть могилу орошенну,
И въ жертву сонмъ Царей назначилъ Поликсену.

ГЕКУБА, *бросаясь въ объятія Поликсены.*

Дочь милую!

КАССАНДРА.

Сестру!

ПОЛИКСЕНА.

О боги!

УЛИССЪ.

Ахъ! я самъ
Скорбь вашу чувствую: — и горестнымъ слезамъ
Вы можете еще предаться на свободѣ.
Я оставляю васъ. Отдайте долгъ природѣ,
И нужной твердости просите отъ боговъ.
Чрезъ часъ приду; вашъ духъ чтобъ былъ тогда готовъ
Разлуку перенесть, сужденную закономъ
Отъ торжествующихъ надъ павшимъ Иліономъ.

Улиссъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

И сострадаетъ онъ!

ПОЛИКСЕНА.

Жестокій человѣкъ!

Къ Гекубѣ:

О матерь скорбная!

ГЕКУБА, *возставая изъ объятій Поликсены.*

Ушелъ ли хитрый Грекъ,

Коварствъ исполненный, Улиссъ немилосердой?
Онъ смертью поразилъ, и мнѣ велитъ быть твердой!
Быть твердою въ часы, когда хотятъ лишать
Послѣдней дочери, для коей дышитъ мать;
Какъ сокрушенная погибелью супруга,
Погибелью семьи, послѣдняго и друга
Увижу Греками влекомаго на смерть.
Ахъ! руки мнѣ къ кому просительны простерть?
Кто внемлетъ моему отчаянному стону?
Кассандра! поспѣши, бѣги къ Агамемнону;
Онъ сострадающимъ явился нынѣ къ намъ;
Преклонится къ твоимъ ліющимся слезамъ
Надъ скорбной матерью, надъ горестной сестрою.
Моли его; рожденъ онъ съ сильною душою;
Ему принадлежитъ принять подъ свой покровъ
Гонимыхъ отъ людей, забытыхъ отъ боговъ,
На коихъ мертвые возстали изъ гробницы,
И кои ждутъ его спасительной десницы.

КАССАНДРА.

Иду, услышитъ онъ гласъ горести моей.
Но что? Въ рукѣ боговъ сердца и слухъ Царей.
О боги! не прошу отъ васъ рѣчей искуства,
Но дайте нынѣ мнѣ языкъ души и чувства,
Которому бы внявъ въ сей день Агамемнонъ,
Возсталъ и опровергъ губителей законъ,
Гласящій дѣвы смерть, разящій скорбну старость.

Указывая на Гекубу.

И долженствующій подвигнуть вашу ярость.
О матерь, слезный токъ коль можно осуши;
А ты, сестра, умѣрь уныніе души.

Кассандра уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЕКУБА и ПОЛИКСЕНА.

ГЕКУБА, *обнимая Поликсену.*

Такъ, успокоимся, и оживемъ къ надеждѣ.

ПОЛИКСЕНА.

Къ надеждѣ? Нѣтъ, она давно уже и прежде
На сердцѣ замерла у дочери твоей.
Но я не плачу здѣсь надъ смертію моей;
Не тѣ нещастливы, которы умираютъ,
Но тѣ, которые любезныхъ переживаютъ.
О матерь! Я теперь лью слезы надъ тобой.
Какой свирѣпою гонима ты судьбой!
Какая въ ярости боговъ неутомимость!
Но предпоставь ты имъ души неколебимость;
Утѣшься мыслію, что дочь твоя въ сей день
Супруга своего увидитъ милу тѣнь.
Вообрази себѣ, когда я смерть пріемлю,
Что въ дальную меня ты отпустила землю,
Гдѣ избранный женихъ, гдѣ вѣрный мнѣ Ахиллъ,
Всю прежнюю любовь къ невѣстѣ сохранилъ;
Что мечъ губительный свершитъ союзъ нашъ брачный,
Что храмомъ радостей мнѣ гробъ предстанетъ мрачный,
Что я отъ бурь мірскихъ укрылася туды,
Гдѣ настаетъ покой, гдѣ кончатся труды.

ГЕКУБА.

Ты, дочь жестокая, мнѣ сердце раздираешь!
Мой видитъ нынѣ взоръ, что смерти ты желаешь;
Что тлѣя внутренно отъ страстнаго огня,
Покинуть на земли желаешь ты меня.
Покинуть. . . Но увы! что станется со мною?
На старости должна скитаться сиротою;
Печальную главу къ кому я преклоню,

Къ отрадѣ временной съ кѣмъ слезы я пролью,
Кто слезы приметъ тѣ, кто ихъ уразумѣетъ,
И утѣшеніемъ кто грудь мою согрѣетъ?
Ты плачешь? Ахъ, прости! несправедлива я.
Нѣтъ, не покинешь ты прискорбную меня.
Но коль Агамемнонъ. . . Сомнѣніе ужасно!
Минуты быстрыя теряю здѣсь напрасно;
Свободна, я сама къ нему должна спѣшить.
Кто лучше матери то можетъ изъяснить,
Что сердце чувствуетъ, теряя дочерь милу!
Пойдемъ, отчаянье даетъ мнѣ нову силу.
Онъ стонъ услышитъ мой; онъ жалостливъ отецъ,
И долженъ чувствомъ знать священну связь сердецъ,
Которая меня съ тобою съединяетъ.
Какой отецъ въ сей день мнѣ здѣсь не сострадаетъ!

КОНЕЦЪ

второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Происходитъ въ шатрѣ Агамемнона.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АГАМЕМНОНЪ и КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Нѣтъ, нѣтъ, Агамемнонъ, докучный стонъ виня,
Ты тщетно убѣгать стараешься меня!
Просительный мой гласъ услышишь ты повсюду;
Какъ тѣнь твоя тебя преслѣдовать я буду,
Доколѣ жалости не возбужу твоей
Къ невинно гибнущей въ сей день сестрѣ моей.
Но что я говорю? Одна ли Поликсена
Отъ Грековъ будетъ здѣсь нещастно умерщвленна?
До сердца матери ударъ достигнетъ тотъ:
Отчаянье ее безвременно убьетъ,
И волѣ Пирровой Агамемнонъ послушный
Убійство стерпитъ то, какъ зритель равнодушный?

АГАМЕМНОНЪ.

Чего желаешь ты? Довольно я рѣчей
Безъ пользы расточилъ въ собраніи Царей
На защищеніе твоей сестры нещастной.

КАССАНДРА.

Ты рѣчи расточилъ! Но въ день для насъ ужасной,
Какъ мечъ въ рукахъ убійцъ, какъ ярость въ ихъ сердцахъ,

Какъ Греки ни вочто къ богамъ вмѣняютъ страхъ,
Не время прибѣгать къ рѣчамъ или витійству.
Верховну власть свою ты предпоставь убійству.
Народовъ храбрыхъ вождь и Царь обширныхъ странъ,
Тебѣ безсмертными дарованъ оный санъ
На то, чтобъ силою обуздывать строптивость,
Невинность защищать, карать несправедливость.
Цари даны землѣ въ залогъ суда боговъ.
Оружіе прими, когда не внемлютъ словъ!

АГАМЕМНОНЪ.

Чтобъ Грековъ кровію я оросилъ Троаду!
Сію ли я воздамъ ихъ ревности награду?
Награду имъ за то, что по слѣдамъ моимъ,
Оставя женъ, дѣтей, къ брегамъ стремились симъ,
Гдѣ мстили десять лѣтъ преступному Париду
За нанесенную моей семьѣ обиду.
Имѣлъ бы право я ихъ ярость обуздать,
Когда ихъ мечъ тебѣ дерзнулъ бы угрожать.
Ты мной избранная при раздѣленьи плѣна,
Моей любовію должна имъ быть священна;
Любовью, коей я хочу тебя возвесть
На мѣсто той жены, которую мнѣ честь
Изъ моего одра изгнать повелѣваетъ,
Которая и бракъ и должность оскорбляетъ.
Грозивъ тебѣ, меня бъ обидѣли они,
И горе было бъ имъ! Но Поликсены дни
Оружьемъ защищать съ какого буду права?

КАССАНДРА.

Коль нынѣ мыслишь ты, что собственная слава,
И склонный къ жалости великодушный нравъ
Не подаютъ тебѣ еще довольно правъ,
Чтобы оружіемъ остановить злодѣйство,
Губящее мое плачевное семейство;
То самая любовь, о коей говоришь,

И коей моему тщеславію ты льстишь,
Любовь къ прерванію и слезъ моихъ и стона,
Давно вооружить должна бъ Агамемнона.
Но нѣтъ, не любишь ты; и ясно вижу я,
Что ищешь обольстить лишь только ты меня.
Не такъ твой братъ, супругъ невѣрныя Елены,
Пылалъ любовью къ ней среди ея измѣны.
Елладу цѣлую его подвигнулъ гласъ;
Стѣсненный понтъ извергъ смерть грозную на насъ;
Фригійскихъ рѣкъ струи взнеслись потокомъ крови,
И Трою пеплъ покрылъ во слѣдъ его любови.
А ты, какъ хладный другъ въ самой любви своей,
Покинешь мать, сестру возлюбленной твоей,
Когда къ защитѣ ихъ лишь стоитъ ополчиться,
Чтобъ Пирръ былъ принужденъ отъ жертвы отступиться,
Чтобы Ахиллова вотще вопила тѣнь.

АГАМЕМНОНЪ.

Не льстись, Кассандра, тѣмъ; не Пирръ одинъ въ сей день
Алкаетъ жертвы сей: всѣ Греки ослѣпленны
Свое спасенье зрятъ въ убійствѣ Поликсены,
Мечтая, что Ахиллъ отмщеніемъ горя,
Къ пути безвѣтріемъ сомкнулъ для нихъ моря.
На чуждыхъ берегахъ свою утративъ младость,
Грекъ каждый вѣтра ждетъ, какъ вожделенну радость,
Чтобы скорѣй отплыть подъ кровъ своихъ отцовъ,
Гдѣ средь семьи найдетъ спокойство отъ трудовъ.
И мыслишь ты, что мнѣ лишь стоитъ ополчиться,
Чтобъ Грековъ къ жалости заставить обратиться?
Нѣтъ, нѣтъ, они мечемъ свой защитятъ позоръ,
И кровію тогда нашъ кончится раздоръ;
Ахеянъ знаю я духъ пылкій и строптивый.

КАССАНДРА.

Ты лучше объяви, что взоръ нетерпѣливый
Ты обращаешь самъ къ Аргосской сторонѣ,

Къ чертогу пышному, къ оставленной женѣ,
Гдѣ миръ съ ней рушенный давнишнимъ подозрѣньемъ,
Ты купишь, можетъ быть, моимъ уничиженьемъ.
Спѣши въ отечество, лѣти, стремись къ судьбѣ,
Тамъ Клитемнестрою назначенной тебѣ.
Но ты не ожидай, чтобъ робкой я рабою
Предъ гордою женой предстала за тобою.
Когда моя сестра погибнуть здѣсь должна,
Коль матерь за собой сведетъ во гробъ она,
То не разстанусь я съ землею сей унылой;
Ихъ гробъ жилище мнѣ. И коль захочешь силой
Отсель меня извлечь, на свой корабль пренесть,
И съ торжествомъ въ Аргосъ невольницею весть,
То вспомни, что нашъ путь лежитъ черезъ пучину,
Въ которой я найду бѣдамъ моимъ кончину;
Что усыпить могу стрегущихъ воевъ взоръ,
И въ безднѣ волнъ сокрыть плѣненія позоръ.
То помня, совершить дай Грекамъ преступленье.

АГАМЕМНОНЪ.

Кассандра! Что за мысль? Какое изступленье?
И такъ, ты требуешь въ залогъ моей любви,
Чтобъ руки обагрилъ въ Ахейской я крови,
И клятву на главу навлекъ себѣ отъ Грековъ,
Неблагодарнѣйшимъ явясь изъ человѣковъ?
Какъ знаешь власть свою надъ пламенной душей!
Но естьли дорожишь ты честію моей,
И естьли за нее молвы страшишься свѣта,
То время дай ты мнѣ потребовать совѣта
И нужной помощи отъ брата моего.
Коль буду подкрѣпленъ оружіемъ его,
Могу тогда простерть покровъ мой Поликсенѣ,
И не посмѣетъ міръ винить меня въ измѣнѣ.
Успѣхъ иль неуспѣхъ рѣша вселенной судъ,
Однимъ дѣяніямъ различный видъ даютъ.
О мѣрахъ совѣщать спѣшу я къ Менелаю.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе, ГЕКУБА и ПОЛИКСЕНА.

ГЕКУБА, *останавливая идущаго Агамемнона, и упадая къ его ногамъ.*

О Царь! Къ твоимъ ногамъ съ моленьемъ припадаю:
Спаси отъ гибели плачевну дочь мою!

АГАМЕМНОНЪ, *поднимая Гекубу съ колѣнъ.*

Гекуба горестна! Печаль дѣля твою,
Иду къ принятію надежнѣйшаго средства,
Которымъ бы я могъ васъ всѣхъ спасти отъ бѣдства,
И ярость Ахеянъ въ пути злодѣйствъ преткнуть.
Межъ тѣмъ въ шатрѣ моемъ ты можешь отдохнуть,
И мысль о дочери исполнивъ упованьемъ,
Ты сердце успокой, томимое страданьемъ.

Агамемнонъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА.

ГЕКУБА.

Скажи Кассандра мнѣ, симъ вѣрить ли словамъ?
И точноль онъ покровъ даруетъ нынѣ намъ?

КАССАНДРА.

Колеблемъ чувствами, рѣшиться самъ не зная,
Онъ требовать спѣшитъ совѣтовъ Менелая
И помощи его.

ГЕКУБА.

Что слышу я? Увы!
Совѣты тѣ падутъ намъ вѣрно на главы,
И Поликсены смерть осталась неизбѣжна.

КАССАНДРА.

Почтожъ въ совѣтахъ сихъ ты столько безнадежна?

ПОЛИКСЕНА.

Ахъ! преждевременно въ душѣ не унывай.

ГЕКУБА.

Или не знаешь ты, что слабый Менелай,
Невѣрныя жены видѣньемъ восхищенной,
Свой разумъ покорилъ Еленѣ ухищренной,
Что управляетъ имъ и дѣйствуетъ она.
Благій ли дастъ совѣтъ развратная жена?
Душа, погрязшая въ кривыхъ стезяхъ порока,
Теряя чувствіе становится жестока.
Воспомните, какъ стыдъ Еленина чела,
Изображалъ ея сокрытыя дѣла;
Вотще сіе чело блистало красотою.
Воспомните и то, какъ нравовъ чистотою,
Когда о чести женъ вели мы разговоръ,
Вы принуждали вдругъ ее потупить взоръ.
Съ тѣхъ дней враждой на насъ въ ней сердце воскипѣло.
Прощаютъ ли тому, предъ кѣмъ чело краснѣло?
А нынѣ наша жизнь и смерть въ ея рукахъ;
Судите по сему, напрасенъ ли мой страхъ?

Увидя Улисса.

Но что я говорю? Мои всѣ рѣчи тщетны!
Уллисъ идетъ, и насъ покинули безсмертны.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Всѣ прежніе и УЛИССЪ.

УЛИССЪ.

Гекуба! признаюсь, что думать я не могъ,
Чтобъ изъ шатровъ моихъ ты извела залогъ,

Который я вручилъ тебѣ на срочно время;
Чтобъ всюду съ дочерью тоски влачила бремя,
Во зло употребя свободу, данну мной.
Но скорби матери прощу проступокъ твой.
Въ шатрѣль Улиссовомъ, въ шатрѣль Агамемнона,
Повсюду и равно власть дѣйствуетъ закона.
И я сюда пришелъ, надѣяся теперь,
Что ты безъ ропота свою мнѣ выдашь дщерь.

КАССАНДРА.

Но вспомнитъ ли Уллисъ, когда помыслитъ болѣ,
Что здѣсь покорно все Агамемнона волѣ;
Что здѣсь, въ шатрѣ его, вашъ дѣйствуетъ законъ
Тогда, какъ самъ принять его разсудитъ онъ?
Помедли, Государь, до Царскаго прихода.

УЛИССЪ.

Предъ холмомъ жертвы ждетъ собраніе народа
И свѣтлый сонмъ вождей, и всѣ они горятъ
Нетерпѣливостью священный зрѣть обрядъ,
Обрядъ, котораго алкаетъ прахъ героя,
Какъ жаждетъ водъ бразда, томимая отъ зноя.
Могуль часы терять, Агамемнона ждавъ?
И оскорбляться симъ съ какихъ онъ можетъ правъ?
Вотще въ совѣтѣ онъ гремѣлъ противъ Ахилла;
Вся Греція на то чрезъ Пирра возопила.
Предъ воплями ея гласъ жалости замолкъ,
И Поликсены смерть совѣтъ призналъ какъ долгъ,
Ахилла доблестямъ отъ Греціи платимой.
Гекуба, покорись судьбѣ неумолимой,
И къ холму дочь свою со мною отпусти.

ГЕКУБА.

Неистовый Улиссъ! жестокій!.... Ахъ, прости!
Прости моимъ словамъ, въ нещастьи забываюсь,
Отъ лютой горести разсудка я лишаюсь,

И рѣчь просительну не зная какъ начать,
Я начала тебя словами оскорблять.
Но помнишь ли, Улиссъ, минувшее то время,
Какъ полной славою цвѣло Троянско племя,
Какъ соглядатаемъ ты вшелъ въ нашъ крѣпкій градъ?
Подъ рубищемъ тебя узналъ Еленинъ взглядъ:
Она мнѣ скрытаго Улисса указала,
И смерть уже тебя за хитрость ожидала.
Ты бывъ введенъ ко мнѣ, къ ногамъ моимъ упалъ,
Дрожащею рукой моей руки искалъ,
Уста твои безъ словъ казались онѣмѣлы,
И слезный токъ кропилъ ланиты помертвѣлы.

УЛИССЪ.

Такъ, помню оный день, и жалости твоей
Обязанъ былъ тогда я жизнію моей.

ГЕКУБА.

Въ свою чреду, Улиссъ, ко мнѣ почувствуй жалость!
Зри немощь ты мою, плачевную зри старость,
Не удручай меня, вступися ты за насъ,
Иди къ вождямъ, возвысь краснорѣчивый гласъ,
Искуство языка давно въ тебѣ извѣстно.
Представь ты славѣ ихъ какъ будетъ то безчестно,
Когда узнаетъ міръ, что гнѣвъ простерли свой
На дѣву слабую, и яростной рукой
Ее во цвѣтѣ лѣтъ зарѣзали безщадно,
Чтобъ Пирра утолить отмщенье кровожадно.
Отмщенье! Но за что? И Поликсена въ чемъ
Виновной быть могла предъ грознымъ симъ вождемъ?
Ональ возжгла войну, народамъ толь тяжелу?
Ональ направила ту роковую стрѣлу,
Которою погибъ славнѣйшій вашъ герой?
Елены красота всему тому виной:
И Грековъ и Троянъ, раздвинутыхъ морями,
Враждой содвинула подъ нашими стѣнами,

Враждой толикихъ лѣтъ, отъ коей наконецъ
И Пирра лютаго великій палъ отецъ.
Когдажъ вселенная винитъ въ бѣдахъ Елену,
Почто наказывать хотите Поликсену?
Ей память и теперь Ахиллова мила;
И болѣ слезъ она надъ нею пролила,
Чѣмъ вашъ жестокій Пирръ пролилъ Троянской крови
На память мстительной сыновнія любови.
О вы! которые въ погибельную ночь,
Какъ съ смертью въ градъ втекли, мою щадили дочь,
Ужель теперь ее погубите безбожно?

УЛИССЪ.

Гекуба! за нее вступится мнѣ не можно,
Не измѣняя днесь и Грекамъ и богамъ.
Такъ, боги жертву въ ней указываютъ намъ,
Позволивъ чтобъ Ахиллъ свои собравши силы,
И адъ преодолѣвъ, возникнулъ изъ могилы
И яркимъ голосомъ весь воздухъ вдаль потрясъ.
Божественный Ахиллъ, славнѣйшій мужъ изъ насъ,
Примѣръ геройства намъ и временамъ грядущимъ,
Останетсяль вотще о жертвѣ вопіющимъ?
И славой будетъ ли нашъ воинъ воспламененъ,
Когда Ахилловъ прахъ увидитъ не почтенъ?
Ослабнутъ и падутъ и запустѣютъ грады,
Гдѣ мужъ съ заслугами оставленъ безъ награды,
И гробомъ поглощенъ безъ почестей и слезъ.
Великій человѣкъ народамъ даръ небесъ,
Полезна жизнь его и смерть и гробный камень,
Могущій возродить въ сердцахъ геройскій пламень.
Таковъ Ахиллъ намъ въ даръ безсмертными былъ данъ!
Лишь жертва изъявитъ признательность гражданъ.
Достойну жертву зрятъ они въ его невѣстѣ,
И смерти сей желать я долженъ съ ними вмѣстѣ,
Какъ гражданинъ прямый и такъ какъ вѣрный Грекъ.

ГЕКУБА.

Но гражданиномъ бывъ иль ты не человѣкъ?
Или желаніе угоднымъ быть народу,
Способно заглушить въ душѣ твоей природу?
Иль Греки хвалятся жестокостью сердецъ?
Нѣтъ, нѣтъ; ты сжалишься, самъ будучи отецъ.
Любовь родителей къ изчадью повсемѣстна,
Свирѣпѣйшимъ звѣрямъ она въ лѣсахъ извѣстна,
И львица дѣтище стремится оберечь.
Вообрази, Улиссъ, когдабъ убійства мечь
Взнесеннымъ видѣлъ ты надъ сердцемъ Телемака,
И блѣдность смертную его бъ увидѣлъ зрака,
Межъ сына и убійцъ стремился бъ вѣрно ты....
Но содрогаешься единыя мечты!
Ахъ, сыномъ сколько симъ ни дорожишь душею,
Моглали бъ грусть твоя сравненной быть съ моею?
Лишившися его, твоя печальна грудь
Нашла бы съ кѣмъ еще отъ грусти отдохнуть;
Во славѣ и въ вѣнцѣ и лѣтъ блистая силой,
Коснуться до тебя не смѣлъ бы духъ унылой:
По сердцу щастливыхъ смерть ближняго скользитъ.
Но мнѣ ужъ дочери ничто не замѣнитъ!
Лишенная всего и сира во вселенной,
Останусь нищею въ разлукѣ съ Поликсеной;
И можетъ быть, увы! на долго отъ небесъ
Мнѣ суждено бродить по сей долинѣ слезъ.
Нѣтъ, горести еще не знала толь тяжелой
Ни въ тотъ ужасный день, какъ Гекторъ помертвѣлой,
Влекомъ чрезъ поприще своихъ предъ тѣмъ побѣдъ,
На нивахъ оставлялъ кровавый тѣла слѣдъ;
Ни въ ту безбожну ночь, въ котору Пирръ суровый
На грудь Пріамову низвергъ олтарь домовый
И въ сихъ развалинахъ убитаго сокрылъ;
Нѣтъ, рокъ меня тогда не столько поразилъ.

УЛИССЪ.

Теряю время здѣсь, внимая воплямъ тщетнымъ.
Гекуба, выдай дочь, и жалуйся безсмертнымъ!

КАССАНДРА.

Жестокосердый Грекъ! ....

УЛИССЪ.

Оставь просить меня.

ГЕКУБА, *къ Кассандрѣ:*

Не раздражай его. (*Къ Улиссу*) Въ отчаяньи стеня,
Къ твоимъ ногамъ, Улиссъ, съ слезами упадаю,
Отцомъ твоимъ, женой и сыномъ заклинаю,
И всемъ, что на земли ты любишь отъ души,
Лишеньемъ дочери меня не сокруши.
Она меня живитъ, покоитъ, утѣшаетъ,
При ней мой духъ бѣды часами забываетъ;
Отрада въ горести, защита слабыхъ дней,
Опора древнихъ лѣтъ, въ ней свѣтъ моихъ очей,
Въ ней жизнь моей души; услыши сиротливу! ....
Но ты не внемлешь мнѣ! И руку торопливу
Рукою хладною ты хочешь оттолкнуть!
Ахъ, лучше поражай мою прискорбну грудь;
Будь жалостливъ еще среди ожесточенья,
И съ жизнью тягостной скончай мои мученья.

ПОЛИКСЕНА, *оборотясь къ Гекубѣ, и поднимая ее съ колѣнъ.*

О матерь! духъ сбери, и отъ колѣнъ возстань,
И унижать себя предъ Грекомъ перестань!
Какъ боги ни гнѣтутъ насъ гнѣвною десницей,
Воспомни, что была ты нѣкогда царицей,
Вдова Пріамова, кѣмъ Гекторъ былъ рожденъ,
Который лишь однимъ Ахилломъ побѣжденъ.
Докажемъ мы въ сей день предъ Греческой толпою,

Что Гектору ты мать, что я сестра герою,
Что бѣдства твердости съ души не могутъ стерть,
Что униженію предпочитаемъ смерть.
Смерть!.... ужасъ для всего, что бытіе имѣетъ,
Отъ мысли коей духъ и чувство цѣпенѣетъ!....
Улиссъ! иду съ тобой, указывай мнѣ путь
Туда, гдѣ я подъ ножъ должна подставить грудь.
Но чтобъ дорогою, котора мнѣ осталась,
Отнюдь ни чья рука ко мнѣ не прикасалась;
Свободной рождена, чтобы въ мой смертный часъ
Свободной я была оставлена отъ васъ.

Къ Гекубѣ, становясь предъ нею на колѣни.

Благослови меня послѣднимъ цѣлованьемъ!
Но духа моего ты не смущай рыданьемъ,
И слезъ не лей! я ихъ не въ силахъ отереть.
Повѣрь, не стоитъ жизнь, чтобы о ней жалѣть.
И Гекторъ и Пріамъ и смертный сердцу милой,
Всѣ ждутъ меня, всѣ тамъ за темною могилой;
Тамъ мы увидимся. О матерь! опусти,
Прости въ послѣдній разъ; и ты сестра прости!

ГЕКУБА, *обнимая, и удерживая Поликсену.*

Ахъ, нѣтъ; не отпущу, съ тобой не разлучаюсь.

УЛИССЪ.

Васъ силой разлучить стеная принуждаюсь.
Вступите воины!

Нѣсколько воиновъ Улиссовыхъ входятъ.

КАССАНДРА.

Что вижу!

ГЕКУБА.

Повели,
Чтобы обѣихъ насъ на смерть они влекли;
Не выдамъ дочери.

ПОЛИКСЕНА.

Щади свою ты старость!
Упорствомъ только симъ ихъ оправдаешь ярость;
Не дай увидѣть мнѣ твоихъ терзаній, мукъ,
На раменахъ твоихъ иноплеменныхъ рукъ.

ГЕКУБА.

Не выдамъ я тебя!

ПОЛИКСЕНА.

Услышь хоть дочь смущенну!

ГЕКУБА.

Нѣтъ, нѣтъ; не выдаю!

УЛИССЪ, *къ воинамъ.*

Возмите Поликсену.

Воины бросаются и разлучаютъ Гекубу съ Поликсеною.

ГЕКУБА.

О Гекторъ! о мой сынъ! гдѣ ты? Гдѣ ты въ сей часъ?
Ахъ, мертвъ! далеко ты! . . . теряется мой гласъ.

Упадаетъ въ объятія Кассандры.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Всѣ прежніе и АГАМЕМНОНЪ.

АГАМЕМНОНЪ, *входя поспѣшно.*

Что слышу! Что за вопль!.... Улиссъ! (*Къ воинамъ*) Остановитесь,
И далѣе вести добычу устрашитесь!
А ты скажи, Улиссъ, мою забывшій честь,
Какъ смѣлъ ты въ мой шатеръ толпу сихъ воевъ ввесть,

И буйну наглость ихъ противъ меня подвигнуть?
Какъ самъ осмѣлился доселѣ ты достигнуть
Въ отсутствіе мое, гдѣ жены лишь однѣ,
И возмущать покой прибѣгнувшихъ ко мнѣ?
Въ обидѣ отъ тебя я требую отвѣта.

УЛИССЪ.

Ты знаешь, государь, что съ общаго совѣта
Гекубы дочь отъ насъ быть жертвой суждена,
И смертью увѣнчать Ахилловъ гробъ должна.
Мнѣ Пирромъ порученъ. . . .

АГАМЕМНОНЪ.

Лаертовъ сынъ! довольно;
Я Пирра узнаю насильство своевольно.
Онъ твой премудрый умъ дарами ослѣпилъ,
И съ воли ты его въ шатеръ ко мнѣ вступилъ.
Благоразуміемъ Улиссъ ведомый вѣчно,
Возврата моего дождался бы конечно,
Когдабы Пирровъ духъ не дѣйствовалъ надъ нимъ.
И можетъ быть тогда симъ воинамъ твоимъ
Рѣшился бъ выдать я нещастну Поликсену,
Зря всѣхъ противъ нее, народъ, вождей, Елену,
И брата моего, кого супруги рѣчь
Удерживаетъ днесь принять защиты мечь.
Но послѣ наглости, толико мнѣ обидной,
Подумаетъ весь станъ, что слабостью постыдной
Я принужденнымъ былъ вамъ жертву отпустить.
Сей дерзновенный Пирръ предъ симъ мнѣ смѣлъ грозить,
Что и Кассандру онъ изъ рукъ моихъ отниметъ;
Пускай ее сестру известь отсель предприметъ.

Взявъ Поликсену отъ воиновъ, отдаетъ ее Гекубѣ.

Прервите жены плачь; я днесь защитникъ вашъ.

КАССАНДРА.

Великодушный Царь!

ГЕКУБА.

Благій спаситель нашъ!

УЛИССЪ.

Помысли, Государь, что сей обрядъ надгробный
Остановивъ, возжешь раздоръ междоусобный.
Не Пирра оскорбишь, но прахъ его отца:
Къ нему и мертвому всѣ преданы сердца;
Ахиллъ ихъ божество, и раздраженны Греки
За честь его въ сей день пролютъ кровавы рѣки.

АГАМЕМНОНЪ.

Не убоюсь грозы; хотя бы самъ Ахиллъ
Изъ гроба нынѣ вставъ, мятежнымъ предводилъ,
Я буду ждать его, и вспять не обращуся;
Съ живымъ я распрю велъ, и тѣни ль устрашуся!
Иди, Улиссъ, къ вождямъ, ты можешь имъ донесть,
Что жертву отпустить мнѣ запрещаетъ честь.

УЛИССЪ.

Предвижу бѣдственны сей новой распри дѣйства.

Улиссъ и воины уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Всѣ прежніе, кромѣ УЛИССА.

АГАМЕМНОНЪ, *къ Троянкамъ:*

Остатки горестны Пріамова семейства,
Спокойтесь наконецъ, и ободрите духъ!
Я нынѣ докажу, что вамъ остался другъ;
И бывъ виновникомъ паденья Иліона,
Хочу заставить васъ любить Агамемнона.
Кассандра, къ своему препроводи шатру
И матерь слабую и юную сестру;

А я межъ тѣмъ иду отряды войскъ устроить,
Чтобъ Пирру, коль придетъ, здѣсь встрѣчу приготовить.

ГЕКУБА, *къ Агамемнону:*

Благословенъ, о Царь, безсмертными ты будь!

КАССАНДРА, *къ Агамемнону:*

Великодушіе вѣрнѣйшій къ сердцу путь.

КОНЕЦЪ

третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Происходитъ во станѣ Агамемнона передъ его шатрами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА, *выходя изъ шатра.*

КАССАНДРА.

Межъ тѣмъ, какъ въ семъ шатрѣ сномъ тихимъ осѣненна,
Забылась временно Гекуба утомленна,
Скажи ты мнѣ, сестра, почто прискорбный видъ
Средь свѣтлыхъ намъ надеждъ чело твое мрачитъ?
Унынія души примѣты молчаливы
Страннѣе мнѣ въ тебѣ, чѣмъ горести порывы,
Являютъ болѣе отчаянье твое.
Иль сомнѣваешься, чтобъ слово могъ свое
Агамемнонъ сдержать предъ яростью Ахейской,
И отъ главы твоей отвесть ихъ мечъ злодѣйской?

ПОЛИКСЕНА.

Нѣтъ, въ Царской благости не сомнѣваюсь я;
Но болѣ благость та страшитъ теперь меня.
Предвижу, какъ Улиссъ,.... нещастный рядъ послѣдствій....
И должно ожидать отъ распри новыхъ бѣдствій.

КАССАНДРА.

На что же сѣтуешь? Пусть Греки въ распрѣ сей
Усѣютъ трупами пространство сихъ полей,

И пусть симъ зрѣлищемъ убійства межъ собою,
Утѣшатъ наконецъ въ огнѣ стенящу Трою.

ПОЛИКСЕНА.

Ахъ! страстью мщенія и нѣжностью къ роднымъ,
Ты днесь ослѣплена съ предвидѣньемъ твоимъ.
Война, въ которую влечемъ Агамемнона,
Въ сей день послѣднихъ чадъ поглотитъ Иліона,
Послѣдней кровью ихъ упьется здѣшній брегъ,
По коему простеръ пустыню лютый Грекъ.
И остальныхъ Троянъ погибели виною,
Я жизнь мою куплю кровавой сей цѣною!
Сестра достойная тому, чья буйна страсть
Свершила до конца отечества напасть,
Я уподоблюся виновному Париду,
И такъ какъ онъ во гробъ съ проклятіями сниду!
Нѣтъ, лучше смерть, какъ мысль объ оной ни страшна!
Но что я говорю? Страшиться ли должна,
Когда я смерть мою угодной зрю Ахиллу,
Когда женихъ зоветъ меня въ свою могилу?
Такъ нѣкогда, во дни надеждъ твоей сестры,
Онъ звалъ меня въ свои торжественны шатры.

КАССАНДРА.

Но чудомъ въ ночь сію Ахиллъ гласившій мертвой,
Назначилъ ли тебя надгробною быть жертвой?
Троянки требовавъ, онъ имя умолчалъ,
И Пирръ, жестокій Пирръ! тебя на смерть избралъ.
Престань мечтою сей крушиться добровольно.

ПОЛИКСЕНА.

Троянки требовалъ! Сего ли не довольно,
Чтобъ выборъ жениха мнѣ сердцемъ предузнать?
По комъ изъ насъ въ гробу онъ можетъ воздыхать?
Въ живыхъ еще ему суждена быть супругой,
Кому, когда не мнѣ, быть мертвому подругой?

Кто болѣе меня любить его могла?
Кто болѣе меня по днесь ему мила?

КАССАНДРА.

Ему мила, и въ знакъ любови несомнѣнной,
Онъ хочетъ слышать стонъ невѣсты обрученной,
Послѣдній, тяжкій вздохъ, что острый долженъ мечь
Изъ груди съ жизнію возлюбленной извлечь,
Изъ груди, кою ты по немъ тоской томила!
Вотъ нѣжный знакъ любви свирѣпаго Ахилла.

ПОЛИКСЕНА.

Не осуждай его; изъ гробной глубины
Онъ зритъ, что на землѣ мнѣ нѣтъ ужъ тишины,
Мнѣ нѣтъ уже отрадъ и нѣтъ надежды болѣ;
Что долѣе мнѣ жить, страдать лишь только долѣ,
Сгарая отъ огня снѣдающей любви,
Ліющейся въ моей волнуемой крови.
Сей огнь, сей даръ благій живительной природы,
Сушитъ безвременно мои весенни годы,
И отъ него, увы! ни тихій вечеръ дня,
Ни утро раннее не прохладятъ меня.
Ахиллъ! ты видишь то, и самъ стеня въ разлукѣ,
Дѣля мою тоску, томяся въ равной мукѣ,
Ты отверзаешь мнѣ гробницу на покой,
Гдѣбъ смерть вѣнчала насъ изсохшею рукой.
Но рокъ, намъ брачну пѣснь перемѣнившій въ стоны,
Къ союзу смерти вновь воздвигнулъ намъ препоны,
И новымъ ужасомъ мою смущая грудь,
Во гробъ отрадный твой мнѣ заграждаетъ путь.

КАССАНДРА.

И такъ, къ Ахиллу ты стремяся мыслью страстной,
Не остановишься надъ матерью нещастной?

ПОЛИКСЕНА.

Что говоришь? Увы! и въ сей печальный часъ

Ея просительный отчаянія гласъ
Еще въ моей душѣ стенаньемъ раздается!
Въ волненьи разныхъ чувствъ на части сердце рвется.
О матерь нѣжная, о названный супругъ,
Вы раздираете колеблемый мой духъ.
Съ Ахилломъ я зову моей кончины время,
Чтобы скорѣй сложить тоскливой жизни бремя;
Хочу на холмъ его главу мою отнесть,
Смиренно тамъ ее предать въ надгробну честь,
Сей смертью жертвенной въ потомствѣ холмъ прославить,
И память тяжкую любви на немъ оставить.
Но коль воображу стенящую въ слезахъ
Гекубу предо мной по смерти, хладный страхъ
Въ мои преносится трепещущія жилы;
Весь ужасъ и весь мракъ моей глухой могилы
Вкругъ скорбной матери я вижу въ тѣ часы,
И надъ челомъ моимъ вздымаются власы.
О матерь! чья любовь мое ростило дѣтство,
Покину ль я тебя, какъ немощи и бѣдство
Печалью облекли дни старости твоей,
Что льстилась ты провесть средь радости дѣтей!
Ихъ нѣтъ, ихъ всѣхъ унесъ вѣтръ бурный злополучій!
Такъ валъ сердитый рветъ брегъ слабый и сыпучій.
О матерь! на земли одна теперь съ тобой,
Покинувши ль тебя, укроюсь на покой?
Нѣтъ, нѣтъ... Но естьли Пирръ алкая токовъ кровныхъ,
Обрушитъ нынѣ гнѣвъ надъ сонмомъ безпокровныхъ
И погруженныхъ въ плачь Троянскихъ дѣвъ и женъ,
Надъ Гектора вдовой, котору строгій плѣнъ
Къ колесамъ приковалъ кровавой колесницы
Сего жестокаго Пріамова убійцы,
Могу ли жизнь сносить и слышать вопль вдали
Невинныхъ оныхъ жертвъ Фригійскія земли,
Которыхъ за меня суровый Пирръ погубитъ?
Ахъ, мысль сія во мнѣ отчаянье сугубитъ!

КАССАНДРА.

Не плачь, не плачь, сестра, о Гектора вдовѣ;
Готовятъ боги въ ней казнь Пирровой главѣ;
И Андромахи видъ ущедривъ красотою,
Скрываютъ въ сей женѣ ихъ мщеніе за Трою,
Коль должно вѣрить мнѣ предчувствіямъ моимъ.
Но шумъ.... Се Царь идетъ, и Пирръ и Несторъ съ нимъ;
Укроемся въ шатеръ.

Поликсена и Кассандра уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АГАМЕМНОНЪ, ПИРРЪ и НЕСТОРЪ.

АГАМЕМНОНЪ.

Съ почтеньемъ къ древнимъ лѣтамъ
Всегда я, Несторъ, слухъ склонялъ къ твоимъ совѣтамъ,
И съ сожалѣніемъ въ сей первый нынѣ разъ
Я мудрости твоей отвергнуть долженъ гласъ,
Отъ имени вождей вотще меня просящій.
Атреевъ свѣтлый родъ, отъ Зевса исходящій,
Не унижался въ вѣкъ прощеніемъ обидъ;
Нѣтъ! и чело мое покроетъ вѣчный стыдъ,
Когда просительницъ права межъ насъ священны
Наруша, выдамъ жизнь нещастной Поликсены.
Обида, кою въ ней дерзнули мнѣ нанесть,
Съ ея спасеніемъ мою связуетъ честь.

НЕСТОРЪ.

Я знаю, что съ души могущаго Атрида
Одною местію стирается обида,
И оному примѣръ, и оному слѣды
Потомки поздные искать придутъ сюды;
Они увѣрятся надъ пепломъ Иліона,
Какъ сокрушителенъ былъ гнѣвъ Агамемнона.

Но тѣ ли, государь, которы помогли
Опустошеніемъ Фригійскія земли
Знаменовать сей гнѣвъ и мщенье справедливо,
Которы за тебя сносили терпѣливо
Чрезъ десять лѣтъ труды и бѣдствія войны
Предъ гордой твердостью Троянскія стѣны,
Мечтавшей о себѣ быть въ вѣкъ неодолимой;
Которы удалясь отъ родины любимой,
Стремились кровь свою на сихъ брегахъ пролить,
Тѣль могутъ помышлять Атрида оскорбить?
Улиссъ, въ твои шатры отрядъ приведшій воевъ,
Усердіе тебѣ не разъ являлъ средь боевъ,
И въ думахъ преданъ былъ тебѣ его языкъ;
Того ль обидитъ днесь, кого онъ чтить привыкъ?
Но Пирра ты винишь: и Пирръ великодушный,
Къ прошенію вождей склонившійся, послушный,
Для оправданія предсталъ передъ тебя.

ПИРРЪ.

Не буду я, Атридъ, оправдывать себя;
Кто по дѣяніямъ неробкій духъ измѣритъ,
Кто знаетъ лишь меня, конечно не повѣритъ,
Чтобъ истинно кого замысливъ оскорбить,
Другому бы я могъ обиду поручить.
Не удержала бы ни власть твоя, ни сила:
Отъ Зевса крови ты, но я, я сынъ Ахилла;
И славой облеченъ, оставленной отцемъ,
Не трепеталъ еще предъ смертнаго лицемъ;
Съ оружіемъ въ рукахъ и съ войскомъ въ слѣдъ за мною,
Къ обидѣ бы пришелъ бесѣдовать съ тобою.
Но съ кроткимъ Несторомъ и безоруженъ я,
Какъ мирный гражданинъ предсталъ передъ тебя.
Предлога, о Атридъ, ты не имѣешь болѣ,
Съ чего бъ противиться всеобщей Грековъ волѣ,
И ту Троянску дщерь скрывать въ своихъ шатрахъ,
Которую на смерть зоветъ Ахилловъ прахъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Не тыль, безстрашный Пирръ, хвалился предо мною,
Что и сестру ея насильственной рукою
Отымешь у меня? Такъ ктожъ повѣритъ здѣсь,
Что мудрый нашъ Улиссъ, толь скромный бывъ до днесь,
Не съ словъ твоихъ привелъ толпу вооруженну,
Въ намѣреньи отсель исхитить Поликсену,
На смерть жестокую влачить ее чрезъ станъ,
И взорамъ доказать дивящихся гражданъ,
Что Пирровой руки не избѣжатъ нещастны,
Что и мои шатры для нихъ небезопасны,
Что не даешь нигдѣ имъ время отдохнуть?

ПИРРЪ.

Или твои шатры, какъ храмы святы суть,
Отколь не льзя извлечь ко смерти осужденныхъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Шатеръ или чертогъ, гдѣ бѣдствомъ удрученныхъ
Покоитъ и хранитъ Царь благостью своей,
Пріемлютъ съ скорбными всю святость олтарей;
Ихъ кровъ быть долженъ чтимъ, какъ кровъ священный храма.

ПИРРЪ.

Ты въ правѣ ль былъ принять подъ кровъ сей дочь Пріама,
Которой смерть должна спасти Ахейску рать?

АГАМЕМНОНЪ.

Ты былъ ли въ правѣ самъ ее на смерть избрать?
Какой небесный гласъ, какое прорицанье
Предписываютъ намъ Царевны сей закланье?
Но и хотябъ они глаголами жреца
Велѣли твоего умершаго отца
Прахъ кровью упоить, и неповинну дѣву
На жертву несть его неугасиму гнѣву,
То и тогда бы, Пирръ, я усумниться могъ,

Что въ сихъ словахъ жреца скрывается подлогъ.
Не боги въ благости ко смертнымъ безконечной,
Могли намъ повелѣть обрядъ безчеловѣчной.

ПИРРЪ.

Невѣрующій Царь! Какихъ же отъ небесъ
Для подтвержденія ты требуешь чудесъ,
Когда здѣсь всѣ мѣста ихъ чудесами полны?
Когда запавшій вѣтръ и спящи въ морѣ волны
Съ ихъ воли путь претятъ къ отчизнѣ намъ своей,
И сочетали насъ съ пустынной сей землей;
Когда по волѣ ихъ Ахиллъ возставши мертвой
Велитъ свой славный гробъ почтить Троянки жертвой;
Когда природы всей нарушенъ нынѣ чинъ,
Невѣрующимъ здѣсь останешьсяль одинъ?
Героя ли забывъ и доблесть и заслуги,
Ему откажешь въ даръ тѣнь избранной супруги?

АГАМЕМНОНЪ.

Къ заслугамъ ли причесть число Ахилла дней,
Которы онъ провелъ средь черныхъ кораблей,
Въ дремотѣ праздности, героя недостойной,
Свой упражняя духъ во звукахъ лиры стройной? (*)
Въ которы Гекторъ дни, какъ съ горъ низшедшій левъ,
Крушительной стопой носилъ по нивамъ гнѣвъ,
Тѣснилъ Ахеянъ рать въ своемъ стремленьи яромъ,
И Грекамъ угрожалъ объять суда пожаромъ; (**)
Едва онъ не покрылъ обломками судовъ
Моря, пролитыя до Греческихъ бреговъ,
Которы бъ окружилъ печалью и позоромъ.
Но къ намъ безъ жалости и равнодушнымъ взоромъ
Ахиллъ тѣ бѣдства зрѣлъ; Патрокла смерть одна
Могла въ немъ мужество воздвигнуть ото сна;

(*) Иліады пѣснь IX.
(**) Тамъ же пѣснь XVI.

За друга вышелъ мстить, не за сыновъ Еллады.
Такъ пусть заслугамъ симъ онъ требуетъ награды
Отъ старцевъ Греціи и отъ сиротъ и вдовъ,
Оплакивающихъ супруговъ, чадъ, отцовъ,
Которыхъ Гекторъ здѣсь повергъ на ратномъ полѣ.

ПИРРЪ.

Но Греція кого должна винить въ томъ болѣ?
Не ты ли самъ призвалъ въ Ахейскій станъ раздоръ?
Не ты ль завистливый къ Ахиллу бросивъ взоръ,
Предъ цѣлымъ воинствомъ явилъ ему обиду,
Похитивъ у него прекрасну Бризеиду,
И тѣмъ прервалъ въ поляхъ его геройскій бѣгъ?
Не лична месть влекла отца на здѣшній брегъ.
Троянинъ, вышедшій отъ пристаней Фригіи,
Дерзалъ ли приставать къ тѣнистымъ скаламъ Фтіи?
Дерзалъ ли увозить чрезъ шумну зыбь морей
Прельщенныхъ нашихъ женъ иль слабыхъ дочерей?
Ахиллъ за честь твою, въ Еленѣ оскорбленну,
Пришелъ въ сію страну, для насъ иноплеменну;
Пришелъ въ крови Троянъ омыть Атридовъ стыдъ,
Что въ Спартѣ по себѣ оставилъ вамъ Паридъ.
Кто, болѣе отца, нанесъ врагамъ ударовъ,
Пролилъ на нихъ убійствъ, распространилъ пожаровъ,
И градовъ низпровергъ и храбрыхъ низложилъ?
На выю Гектора кто съ смертью наступилъ?
Но подвиги его самъ тайно въ сердцѣ числишь,
Хоть явно унижать ты ихъ предъ нами мыслишь,
И тщетно думаешь лишить его въ сей день
Той чести, коей здѣсь его алкаетъ тѣнь.
Безсмертной славою поклялся я Ахиллу,
Троянки кровію почтить его могилу;
Великій Юпитеръ обѣтъ услышалъ мой,
И жертву я найду и долгъ исполню свой.

АГАМЕМНОНЪ.

Великій Юпитеръ мольбамъ убійцъ не внемлетъ,

И кровожадныхъ клятвъ отъ смертныхъ не пріемлетъ;
Но лучше онъ въ сей часъ услышитъ мой обѣтъ.
Клянуся, что доколь зрѣть буду солнца свѣтъ,
Доколѣ не сойду къ сырой землѣ въ утробу,
Не допущу влачить Гекубы дочь ко гробу,
И пусть могущій Зевсъ залогомъ приметъ въ томъ
Дѣтей, которыми благословилъ мой домъ.
Свершай, коль смѣешь, Пирръ, свой долгъ неправосудной.

ПИРРЪ.

Удержишь ли меня сей клятвой безразсудной!
Коль должно, кровью вновь залью сіи мѣста.

НЕСТОРЪ.

О какъ, Агамемнонъ, могли твои уста
Произнести обѣтъ, для Грековъ толь ужасной?
Ты жизнь дѣтей связалъ со днями той нещастной,
Чья смерть возвратный путь судамъ отверсть должна.
Прости, о праотцевъ священная страна!
Вотще вершины горъ огнями возвѣстили,
Что подвигъ съ славою сыны твои свершили;
Вотще твой алчный взоръ, съ ликующихъ бреговъ
Простертый по водамъ, ждетъ радостныхъ судовъ:
Бреговъ тѣхъ щастливыхъ уже мы не достигнемъ,
И здѣсь въ землѣ чужой безвременно погибнемъ.

ПИРРЪ.

Нѣтъ, не погибнемъ мы; но горе тѣмъ однимъ,
Которы надъ отцемъ ругаются моимъ;
И горе плѣнницамъ, оставшимся отъ Трои,
И коихъ въ ночь убійствъ мои щадили вои.
Пойдемъ, Пилосскій Царь, на тотъ надгробный холмъ,
Гдѣ ожидаетъ насъ вождей усердныхъ сонмъ;
Тамъ возвѣщу я имъ отказъ Агамемноновъ
Чрезъ общій плачь и вопль и чрезъ смѣшенье стоновъ,
Которы извлеку закланьемъ плѣнныхъ женъ.
Пускай Ахилловъ холмъ, тѣлами отягченъ,

Воспламенитъ сердца враждой къ Троянамъ новой;
Пусть Грекамъ возвратитъ ихъ прежній духъ суровой,
Чтобъ не щадилъ ихъ мечъ ни чьей въ сей день главы.
Убійства тамъ начну я съ Гектора вдовы,
И Өессалійску рать, сей кровью обагренну,
Я приведу искать сокрыту Поликсену.

Уходитъ.

НЕСТОРЪ.

О призри, Юпитеръ, на Греческихъ сыновъ!

Уходитъ.

АГАМЕМНОНЪ, *во слѣдъ имъ:*

Идите! васъ принять я буду здѣсь готовъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

АГАМЕМНОНЪ и ГЕКУБА.

ГЕКУБА.

Къ твоимъ ногамъ опять мои несу я слезы!
Изъ глубины шатра я слышала угрозы,
Которы Пирру здѣсь внушилъ порывный гнѣвъ.
О Государь! спаси Троянскихъ женъ и дѣвъ,
И Гектора вдову; пошли меня ко гробу.
Пускай Ахилловъ сынъ свою насытитъ злобу
Моею кровію, отъ коей былъ рожденъ
Неистовый Паридъ, причина всѣхъ измѣнъ,
Источникъ слезъ Троянъ, виновникъ бѣдствій Грековъ,
И возбудившій месть боговъ и человѣковъ;
Пускай ко мнѣ въ сей день достойно Пирръ суровъ
Отмщаетъ надо мной за смертныхъ и боговъ.
Не дай ты мнѣ дожить до горести сугубой,
Какъ воины его представъ передъ Гекубой,
На копьяхъ принесутъ отторженны главы
Закланныхъ дѣвъ и женъ и Гектора вдовы;

Какъ придутъ, чтобъ меня рукой окровавленной,
На вѣки разлучить съ печальной Поликсеной.

АГАМЕМНОНЪ.

За Поликсену ты спокойна сердцемъ будь.
Для Пирра въ станѣ семъ устроенъ мною путь
Чрезъ тысячи мечей; пусть оные притупитъ
Предъ тѣмъ, какъ съ воинствомъ до сихъ шатровъ доступитъ,
И можетъ быть, что самъ ту смерть найдетъ скорѣй,
Которою грозитъ онъ дочери твоей.
Надѣюсь твердо я на воиновъ усердныхъ,
А болѣ на боговъ, къ нещастнымъ милосердыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АГАМЕМНОНЪ, ГЕКУБА и нѣсколько Военачальниковъ Агамемноновыхъ.

ОдинЪ изЪ ВоеначальниковЪ.

Явися, Государь, и удержи гражданъ,
Которы Пирру въ слѣдъ твой покидаютъ станъ,
И устремляются на оный холмъ надгробный,
Подъ коимъ сокровенъ Ахиллъ богоподобный.
Межъ тѣмъ какъ съ Несторомъ и съ Пирромъ здѣсь одинъ
Ты думу продолжалъ, Лаертовъ хитрый сынъ
Пришедшій къ воинамъ Аргоса и Микены,
Восколебалъ въ нихъ духъ сомнѣніемъ измѣны;
Представилъ, что Ахиллъ, оставленный безъ жертвъ,
Пылаетъ яростью, хотя давно ужъ мертвъ;
Что въ ярости его участвуютъ и боги,
И къ отческой землѣ сомкнули намъ дороги.
Несите, имъ вѣщалъ, на холмъ свои мольбы,
Чтобъ премѣнилъ Ахиллъ къ намъ гнѣвныя судьбы,
Соединитесь тамъ на жертвоприношенье,
Которымъ хочетъ Пирръ загладить преступленье,

Когда желаете отцовъ увидѣть градъ,
Обнять своихъ супругъ, лелеять вашихъ чадъ.
Отъ сихъ рѣчей въ рядахъ возникнулъ ропотъ шумной;
Большая воевъ часть въ ретивости безумной
Бѣжитъ на гробъ, чтобъ зрѣть кровавый тамъ обрядъ,
И ужъ немногіе свой долгъ къ тебѣ хранятъ.

АГАМЕМНОНЪ.

И сихъ немногихъ я тудажъ вести намѣренъ.
Пусть слѣдуетъ за мной, кто мнѣ остался вѣренъ!
Намъ ждать ли, чтобы Пирръ къ вѣнчанью дерзкихъ дѣлъ,
Въ покинутый мой станъ съ оружіемъ пришелъ,
Извлекъ изъ сихъ шатровъ дрожащу, полумертву,
Безбожно имъ самимъ назначенную жертву,
И тѣни надо мной представилъ торжество.
Нѣтъ, нѣтъ! остановлю кроваво празднество,
Разрушу жертвенникъ, и до подошвы срою
Сей холмъ, воздвигнутый свирѣпому герою.
Пойдемъ, о храбрые, слѣды гробницы стерть.
Гекуба! можетъ быть, отмщу Пріама смерть.

Агамемнонъ и Военачальники уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЕКУБА, *одна.*

Куда стремится онъ? О вы, могущи боги!
Иль не престанете къ нещастливой быть строги?
Иль старость тяжкую составивъ мнѣ изъ бѣдъ,
Ихъ всюду проливать за мной хотите въ слѣдъ?
Едва я здѣсь, — и зрю вокругъ Царя измѣну.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ГЕКУБА и КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Приди уговорить печальну Поликсену,
Ея отчаянье любовію развлечь;
Увы! послѣдняя Агамемнона рѣчь,
Намѣренье срыть холмъ, подъ коимъ прахъ любезный,
Сугубятъ грусть ея и токъ сугубятъ слезный.
Спѣши, о матерь, къ ней; боюсь, чтобы сестра
Не сокрушила насъ побѣгомъ изъ шатра,
И не ушла спасать и гробъ и честь Ахилла.

ГЕКУБА.

О смерть! почто меня ты на земли забыла.

КОНЕЦЪ

четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Происходитъ близъ могильнаго холма, при которомъ происходило первое дѣйствіе; передъ холмомъ поставленъ жертвенникъ; на немъ лежитъ ножъ закланій.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Греческіе Вожди, Жрецы и Граждане.

Хоръ Гражданъ:

Ахиллъ, богини дивный сынъ!
Достойну честь прими въ сей тризнѣ,
Смягчи суровый гнѣвъ судьбинъ,
И разрѣши намъ путь къ отчизнѣ.

* * *

Не допусти въ пустынѣ сей
Твоихъ сподвижниковъ погибнуть;
Но дай намъ съ славою твоей
Бреговъ отеческихъ достигнуть.

* * *

Пусть славѣ сей отъ насъ внемля
Ростутъ въ геройствѣ чада Грековъ,
И пусть пребудетъ ихъ земля
Землей великихъ человѣковъ.

Одинъ изъ Вождей.

Граждане! къ симъ мѣстамъ Ахилловъ сынъ идетъ;
Но горе! жертвы онъ сужденной не ведетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе, ПИРРЪ, НЕСТОРЪ и толпа народа.

ПИРРЪ.

Нѣтъ, Греки, не веду я жертвы вамъ завѣтной;
И вы надеждою ласкались нынѣ тщетной
Считая, что Атридъ, смиря свой гордый духъ,
Троянку выдастъ мнѣ, котору ждетъ супругъ
Во гробѣ, жаждущій ея потоковъ крови,
И пламенемъ томимъ отмщенья и любови.
Но мало, что Атридъ въ шатрахъ сокрылъ теперь
Ахиллу данную самимъ Пріамомъ дщерь,
По днесь еще къ нему храня вражду неправу,
Великихъ дѣлъ его умалить хочетъ славу:
Заслугъ не признаетъ, бездѣйствіемъ винитъ,
И празднымъ наконецъ Еллады сыномъ чтитъ.
Ахъ, это болѣе мою сугубитъ ярость!
Когда родитель мой презрѣвъ глубоку старость
Средь неизвѣстности въ дому своихъ отцовъ,
Сужденную ему прорцаніемъ боговъ,
Отважно предпочелъ полетомъ скоротечнымъ
Путь жизни сократить, и въ памяти быть вѣчнымъ,
И смертью раннею дни краткіе вѣнчать,
Придавъ дѣлами имъ безсмертія печать;
Когда залога ждетъ сей славы лучезарной,
Порочитъ оную Атридъ неблагодарной.
Едва отъ ярости предъ вами слезъ не лью.
Но нѣтъ, родитель мой, за честь въ сей день твою
Не слезы долженъ лить, но крови токъ обильный;
И въ страхъ твоимъ врагамъ хочу сей холмъ могильный
Кострами обложить изъ грудъ закланныхъ тѣлъ
Троянокъ, коихъ плѣнъ подъ власть мою привелъ.
Прими ты оныхъ жертвъ кроваво приношенье,
Доколѣ грудь мою палящее отмщенье
Изъ рукъ Атридовыхъ не вырветъ жертвы той,

По коей праведно здѣсь прахъ тоскуетъ твой;
Доколь симъ накажу Атридовъ духъ кичливой.
Хотябы въ ярости, толь нынѣ справедливой,
Мнѣ довелося здѣсь брань новую возжечь
И снова упоить убійствами мой мечь:
Безъ жертвы сей въ мой домъ не отплыву спокойный.

НЕСТОРЪ.

Отважный, храбрый Пирръ, родителя достойный!
Кто между Греками осудитъ нынѣ месть,
Снѣдающу тебя? Тотъ сынъ, который честь
Умершаго отца въ презрѣнье попускаетъ,
Подъ клятвою боговъ до срока погибаетъ.
Атриду отомщай; хотя сердца гражданъ
И возстенаютъ днесь Ахейскій видя станъ
Междоусобіемъ на части раздѣленной,
И утопающій въ крови одноплеменной.
Но пылкій юноша! ужель простреш свой гнѣвъ
На плѣнныхъ женъ Троянъ, на ихъ невинныхъ дѣвъ?
Жестокость безъ причинъ души свирѣпой свойство,
И милосердіемъ красуется геройство.

ПИРРЪ.

Надмѣнной Трои дщерь нещастною виной
Погибели отца подъ здѣшнею стѣной,
И месть еще его не исцѣлила рану,
А я Троянску кровь щадить предъ вами стану?
Къ Пелею повезу остатки тѣхъ племенъ,
Межъ коихъ сынъ его былъ жертвою измѣнъ?

Указывая на ножъ, лежащій на жертвенникѣ.

Ахъ, нѣтъ! сей долженъ ножъ, священный ножъ закланій,
Вкругъ холма воздухъ весь наполнить ихъ рыданій;
Чтобы ихъ смерти вопль раздался и въ гробахъ,
И съ радостью бъ ему внималъ Ахилловъ прахъ.

Видя Троянокъ, выводимыхъ воинами.

Но плѣнницъ ужъ ведутъ къ судьбѣ опредѣленной.

НЕСТОРЪ.

Съ другой страны Атридъ спѣшитъ вооруженной.

ПИРРЪ, *переходя въ ту сторону театра, съ которой видѣнъ его шатеръ.*

Оружье дайте мнѣ! оно рѣшитъ нашъ споръ.

НЕСТОРЪ.

Прерви, о Троя, плачь, зря нынѣ сей раздоръ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Всѣ прежніе, АГАМЕМНОНЪ, воины Агамемноновы, плѣнныя Троянки и воины Пирровы.

АГАМЕМНОНЪ.

Что мыслите начать, о Греки малодушны?
Иль гласу Пиррову въ безуміи послушны
Невинныхъ, слабыхъ женъ губить хотите вы,
И призывая громъ небесный на главы,
Злодѣйствомъ увѣнчать вашъ подвигъ, полный славы,
И человѣчества нарушить нынѣ правы?

ПИРРЪ.

Отвѣта требуя, самъ Грекамъ дай отчетъ!
Скажи, Агамемнонъ, что право подаетъ
Тебѣ удерживать обручницу Ахилла,
Которую на бракъ зоветъ сія могила,
И коей смерть рѣшилъ всеобщій судъ вождей?
Предъ ними повтори обиду тѣхъ рѣчей,
Которыми отца ты поносилъ при сынѣ;
И дерзостію словъ ты ихъ увѣрь въ причинѣ,
Повелѣвающей мнѣ взять отмщенья мечь,
И дальный нашъ раздоръ сраженіемъ пресѣчь.

АГАМЕМНОНЪ.

Не можешь знать еще въ твои младыя лѣта,
Что и Ахиллу въ жизнь я не давалъ отвѣта
Въ моихъ дѣяніяхъ; такъ сыну ли его
Причины объясню поступка моего!
Пускай пріемлетъ мечъ твоя рука толь смѣла,
Во мнѣ не встрѣтишь ты Пріама престарѣла.
Но прежде оный холмъ быть долженъ мною срытъ;
Напоминаетъ онъ Ахилла смерть и стыдъ,
Его простертаго предъ юной Поликсеной,
Хвалящагося ей своею намъ измѣной
И упоеннаго очей ея огнемъ.
О Греки! сей ли гробъ вамъ служитъ олтаремъ?
И устрашенные видѣніемъ ничтожнымъ,
Хотите празднествомъ почтить его безбожнымъ?
Ахъ! жалости внемли часть мудрая гражданъ,
И сроемъ памятникъ союзника Троянъ.

ПИРРЪ, *принявъ оружіе отъ воина, принесшаго мечъ и щитъ, устремляется на холмъ.*

Приди же! и гробницъ ругаяся святынѣ,
Карателя во мнѣ найдешь своей гордынѣ;
И боги мстительны, блюстители гробовъ,
Оружью моему даруютъ свой покровъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Усердны воины, разрушить холмъ стремитесь,
Межъ тѣмъ какъ съ Пирромъ я сражусь.

Хочетъ съ воинами стремиться на холмъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Всѣ прежніе и ПОЛИКСЕНА.

ПОЛИКСЕНА, *вбѣгая, останавливаетъ Агамемнона и его воиновъ.*

Остановитесь!
Ахилла чтите гробъ, и надъ моей главой,
О Греки яростны, вы гнѣвъ обрушьте свой!

ПИРРЪ.

Гекубы дочь!

АГАМЕМНОНЪ, *изумленный.*

Кого я зрю!

НЕСТОРЪ.

О рокъ чудесной!
Смирись, Агамемнонъ, предъ волею небесной;
Безсмертны видимо стрегутъ Ахилла честь,
И жертву къ намъ могла лишь ихъ рука привесть.
Дерзнешь ли ты возстать и на законъ судьбины!

АГАМЕМНОНЪ, *въ изумленіи не отвѣтствуетъ.*

ПИРРЪ, *сошедъ съ холма, и отдавъ оружіе воину, къ Поликсенѣ:*

О ты, виновница Ахилловой кончины,
Безвременно отца лишившая меня!
Дождался наконецъ твоей я казни дня.
Давно уже во мнѣ пылаетъ духъ желаньемъ
Насытиться твоимъ предъ смертію страданьемъ,
По хитрому челу простертый видѣть хладъ,
И угасающимъ прельстительный тотъ взглядъ,

Изъ коего Ахиллъ любви испилъ отраву,
И уловленный палъ къ убійцамъ въ сѣть кроваву.

ПОЛИКСЕНА.

Надъ жертвою своей мученья истощай,
Убійства зрѣлищемъ свирѣпство насыщай,
И въ полной мѣрѣ взоръ утѣшь своей ты мести;
Но не дерзай притомъ моей порочить чести!
Не унижай во мнѣ Царей Троянскихъ дщерь
И даръ, который ты отцу несешь теперь.
Такъ, смерти я его безвинною причиной,
Иль лучше, я была враждебною судьбиной
Къ погибели его орудьемъ избрана;
Но хитрость мнѣ, о Пирръ, природой не дана,
И никогда мой взглядъ не обольщалъ Ахилла.
Вся хитрость въ томъ была, что я его любила,
Что мой языкъ и взглядъ, согласные съ душей,
Твердили передъ нимъ о сей любви моей,
Которая мой умъ и сердце занимала,
Которая меня надъ мною возвышала.
О Греки! не стыжусь въ торжественный сей часъ
О страсти сей вѣщать еще въ послѣдній разъ;
По днесь питая духъ, она дала мнѣ силы
Страхъ смерти побѣдить; къ спасенью сей могилы
Я все преодолѣвъ, бѣжала изъ шатра,
Гдѣ плачущая мать, гдѣ нѣжная сестра
Удерживать меня въ объятіяхъ мечтали;
Пришла, и смерти жду, конца моей печали.

ПИРРЪ.

Приди на холмъ, готовъ желанный тамъ конецъ.
Изъ рукъ моихъ тебя пріиметъ мой отецъ,
И въ гробѣ съ нимъ твой прахъ воздремлетъ скоро вмѣстѣ.

Хочетъ подойти къ Поликсенѣ, чтобъ вести ее на холмъ.

ПОЛИКСЕНА.

Постой, и слухъ склони къ Ахилловой невѣстѣ,
Хоть мало умягчи свирѣпство къ ней свое;
Не подымай ты рукъ на слабу жизнь ее,
На грудь, гдѣ властвуетъ родитель твой донынѣ.
Но произвольной быть ты дай моей кончинѣ,
И смертнаго часа нещастной не тревожь.

Видя, что Пиррѣ хочетъ опять къ ней подойти.

Ахъ, ты безжалостливъ!

Въ отчаяньи хватаетъ ножъ, лежащій на жертвенникѣ.

Закланій вижу ножъ!

ПИРРЪ.

Что дѣлаешь?

ПОЛИКСЕНА.

Взирай, какъ умирать умѣю;
Сама иду на холмъ.

Приближаясь къ холму, приходитъ въ изступленіе.

Но отъ чего робѣю?...
Простертую жену я вижу предо мной!
Тыль, матерь, хочешь путь мнѣ заградить собой?
Почто же ты въ слезахъ? почто лице печально?
Утѣшься! дочь твою веселье ждетъ вѣнчально,
Куда тебя на пиръ я скоро призову.
О, призри кто нибудь до толь ея главу,
Коль въ мірѣ есть еще чувствительный къ нещастнымъ!

Восходя на холмъ.

Какимъ окружена я зрѣлищемъ ужаснымъ!
Зрю градъ родительскій весь пламенемъ объятъ,
Окрестъ въ пустынѣ зрю гробницъ простертый рядъ;
Здѣсь Гекторъ палъ сраженъ, тамъ прахъ лежитъ Пріама;
Что шагъ, убійства слѣдъ, что шагъ, могильна яма.

Спокойтесь, храбрые Троянскія земли!
Вы за отечество во градѣ полегли,
Щастливы не видавъ во злой его неволѣ!
Но сколько кратъ, увы! я васъ нещастна болѣ;
Во цвѣтѣ самомъ лѣтъ кончая жизнь мою,
Надъ Троей падшею, надъ вами слезы лью.
Лью слезы! . . . Но мнѣ смерть Ахилла образуетъ,
Тѣнь блѣдная его кровъ тихій указуетъ.
Прими меня, супругъ, ты ласковой рукой,
И утоли мой плачь, и въ гробѣ успокой.

Закалается, и вдали раздается громъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Вы милость или гнѣвъ вѣщаете вселенной,
О боги сильные?

ПИРРЪ.

Граждане! изумленной,
Недвижимъ остаюсь здѣсь въ вашихъ я очахъ;
Нѣтъ, твердости такой не полагалъ въ женахъ.
О тѣнь родителя! будь нынѣ ты спокойна;
Избранная тобой любви твоей достойна.

Къ Жрецамъ:

Вы жертву на кострѣ очистите огнемъ,
И прахъ ея потомъ съ почтеньемъ соберемъ.

Жрецы всходятъ на холмъ, и становятся подлѣ павшей Поликсены.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Всѣ прежніе, ГЕКУБА и КАССАНДРА.

ГЕКУБА.

Избавьте дочь мою! меня примите въ жертву!

Останавливается при холмѣ.

Иль поздно, и ее нашла уже я мертву? (*)
„Иль утомленная подъ тягостію лѣтъ,
„Ужъ поздно я сюда пришла за нею въ слѣдъ?
„Молчанье на устахъ,.... на лицахъ зрю смущенье!
„Увы! исполнилось конечно преступленье?
„О, дайте дочь мою хоть мертвую узрѣть,
„И мнѣ отчаянной надъ тѣломъ умереть.
„На холмѣ вашъ ударъ долженствовалъ свершаться....

Хочетъ итти на холмъ.

ПИРРЪ.

„Не допускай, народъ, до жертвы прикасаться!

Народъ движеніемъ останавливаетъ Гекубу; между тѣмъ Жрецы скрываютъ тѣло Поликсены.

ГЕКУБА, *къ Пирру:*

„О варваръ, ты и въ томъ отказываешь мнѣ!
„О бичь, низпосланный отъ неба сей странѣ,
„Губитель моего нещастнаго семейства,
„Надъ мною доверши свои теперь злодѣйства!
„На жертвенникъ убійствъ меня влеки ты самъ,
„И тою же рукой, которою Пріамъ,
„И мой послѣдній сынъ безщадно убіенны,
„Которою ты жизнь похитилъ Поликсены,
„Той самою рукой рази меня въ сей день!
„Другою жертвою отца порадуй тѣнь!
„Рази изъ ярости, или изъ состраданья!...
„Но у меня въ груди стѣсняются рыданья....
„Теряю лучь дневной.... Мой исчезаетъ гласъ....
„О, естьли бы сей былъ послѣдній жизни часъ!

Упадаетъ безъ силъ къ Кассандрѣ.

(*) Стихи, слѣдующіе за симъ до окончанія явленія, въ представленіи выпускаются.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ и ПОСЛѢДНЕЕ.

Всѣ прежніе и УЛИССЪ.

УЛИССЪ.

Что, Греки, медлите надъ принесенной жертвой?
Иль воплемъ заняты Гекубы полумертвой?
Межъ тѣмъ какъ Юпитеръ съ Ахилловой мольбы
Къ намъ ярость умягчилъ разгнѣванной судьбы,
И сонны возбудивъ валы пучины водной,
Намъ разрѣшаетъ путь изъ сей земли безгодной.
Ужъ туча надъ горой Восточною взошла
И чревомъ тягостнымъ на воздухъ налегла,
Скатился дальный громъ, исторгся вѣтръ бурливый,
И парусъ на судахъ развѣялся игривый.
Спѣшите къ кораблямъ, готовымъ васъ принесть
Въ отечество, гдѣ ждетъ спокойство, радость, честь.

КАССАНДРА.

Такъ, Греки, обагрясь вновь кровію невинной,
Спѣшите покидать Троянскій брегъ кручинной!
Но чашу здѣсь на насъ пролитыхъ вами бѣдъ
Должны вы за собой влачить повсюду въ слѣдъ.
Есть боги мстители за скорби Иліона:
Въ томъ увѣряюсь я внушеньемъ Аполлона.
Внемлите, онъ во мнѣ прорцаній духъ возжогъ:
Блеснулъ моимъ очамъ временъ грядущихъ токъ,
И предстоятъ судьбы и царствъ и человѣковъ.
О, сердце, радуйся нещастья видя Грековъ!
Большую часть Вождей, которы брань вели,
Безвременная смерть сорветъ съ лица земли.
Одни ужъ никогда отчизны не увидятъ;
Другіе къ ней приставъ, ее возненавидятъ,
И царства удалясь, умрутъ въ странѣ чужой.
Сей Пирръ, Ахилловъ сынъ, свирѣпый вашъ герой,

Предъ мирнымъ олтаремъ зарѣзавшій Пріама,
Самъ въ младости падетъ зарѣзанный средь храма:
Но позавидуешь сей смерти ты, Улиссъ!
Къ Итакѣ по волнамъ чрезъ десять лѣтъ носись;
За новыя моря, за бѣдствія несчетны,
Твой островъ отъ тебя отдвигнули безсмертны;
Виновникъ хитростный Троянской нищеты,
Всѣ оной горести въ пути претерпишь ты;
Достигнешь родины, но спутниковъ лишенный
Одинъ придешь въ свой домъ, едва нерасхищенный.
Такъ, Грека каждаго домъ будетъ расхищенъ,
Иноплеменника мечемъ порабощенъ,
Доколѣ не придетъ народъ отъ странъ полночныхъ,
Чтобъ снять оковы съ рукъ Ахеянъ маломощныхъ:
И боги, въ поздный родъ продливъ чадъ вашихъ стонъ,
Отмстятъ за жертву вамъ, отмстятъ за Иліонъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Кассандра! что за гнѣвъ безсмертныхъ возвѣщаешь?

КАССАНДРА.

Почто, Агамемнонъ, меня ты вопрошаешь?
О Царь нещастливый! не будешь средь пиршествъ
Внимать веселья пѣснь въ хвалу твоихъ торжествъ,
И въ домѣ не найдешь спокойнаго ужъ мѣста;
Едва окончишь путь, и обоймешь Ореста,
Едва омоешь ты трудовъ кровавый потъ,
И смерть тебя крыломъ съ сей нивы поженетъ.
Брегись сотканнаго супругой покрывала:
Сотканно для тебя надъ остріемъ кинжала.
И въ день и въ часъ одинъ прибывшая съ тобой,
И я поглощена Атридовой судьбой.

АГАМЕМНОНЪ.

О, страхъ!

УЛИССЪ.

Виновныхъ насъ, о боги, накажите;
Но въ милосердіи чадъ Грековъ пощадите! (*)

ПИРРЪ.

„Симъ вѣритель словамъ? Къ чему напрасный страхъ!
„Мы мстили праведно; отмщенъ Ахилловъ прахъ.

НЕСТОРЪ.

„Какой постигнетъ умъ боговъ совѣты чудны!
„Жестокиль были мы, иль были правосудны?
„Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы,
„Мы бродимъ на земли игралищемъ судьбы.
„Щастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится;
„Щастливѣе сто кратъ, кто къ жизни не родится.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

(*) Всѣ слѣдующіе за симъ стихи, въ представленіи выпускаются.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

3

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ОДА

НА СМЕРТЬ ЕКАТЕРИНЫ II.

(Сочинена въ 1796 году).

Почто у олтарей священныхъ,
Россіяне, я вижу васъ
Унылыхъ, блѣдныхъ и смущенныхъ?
Мольбы смиренной прерванъ гласъ.
Отъ вздоховъ тяжкихъ, кои внемлю,
Вы повергаетесь на землю,
И горькихъ слезъ ліете токъ!
Но тщетны клики всѣ плачевны;
И небеса къ Россіи гнѣвны
Свершили намъ ударъ жестокъ.

* * *

Средь свѣтлаго Царей чертога
Возникла вѣсть, ростетъ, летитъ;
За нею въ слѣдъ бѣжитъ тревога,
И скорбью лица всѣ мрачитъ.
Спустилась ночь на градъ престольный,
И страхъ сугубится невольный,
И въ часъ полночи всѣ безъ сна.
Народъ, волнуемый какъ море,
Стремясь къ чертогамъ, вопитъ: горе!
Гдѣ, гдѣ Великая жена?

* * *

Прешла!... О, страшный гласъ! какъ громы
Звучащи въ дебряхъ между горъ,
Несется онъ со стогновъ въ домы,
Разитъ и градъ, какъ Царскій дворъ.
И се несущимъ скорбь полетомъ,
Ужасна вѣсть паритъ надъ свѣтомъ,
Велитъ вселенной повторять:
„Ужель на вѣкъ сомкнула очи
„Царица сильна полуночи,
„Россіянъ храбрыхъ нѣжна мать!“

* * *

И тамъ, у вратъ златыхъ Востока,
Отколь природы всей краса,
Оставя дно морей глубоко,
Въ лазурны всходитъ небеса,
Всѣ отвращаютъ слезны взоры.
Начто, гласятъ, намъ блескъ Авроры!
Пусть насъ покроетъ вѣчна тѣнь!
О солнце, возвратись въ пучину!
Повергла смерть Екатерину;
Землѣ не нуженъ болѣ день.

* * *

Ахъ! должноль освѣщать вселенну
Во времена грозы небесъ?
Европу зрѣть окровавленну
И въ токахъ отражаться слезъ?
Всѣ Галліи смятеньемъ полны,
Съ Британіей воюютъ волны,
Германію скрываетъ дымъ;
Мечи убійства всюду блещутъ,
И въ страхѣ гибели трепещутъ
Италія и древній Римъ.

* * *

Народъ возсталъ на всѣ народы,
И бѣдъ своихъ источникъ самъ,
На разрушеніе природы
Воздвигнуть хочетъ славы храмъ.
Но храмъ на трупахъ сооруженный,
Рѣкой кровавой окруженный,
Разсыплется какъ тлѣнъ и прахъ.
Нещастны тѣ, хотя и громки,
Которыхъ имена въ потомки
Пренесть должны позоръ и страхъ.

* * *

Не такъ о дняхъ Екатерины
Народы вспоминать должны.
Вотще вставали исполины,
Грозя намъ ужасомъ войны,
Сарматы, Готфы, Мусульмане,
Вотще . . . . И Росскіе граждане
Не устрашались дальнихъ тучь;
И въ мирѣ пахари щастливы
Сбирали жизнь съ златистой нивы:
Сіялъ надъ всѣми кроткій лучь.

* * *

Одной рукой колебля троны
Зломъ дышущихъ на насъ враговъ,
Другою создала законы
Для щастія своихъ сыновъ.
Зря мудрые ея уставы,
Подъ сладку сѣнь ея Державы,
Народы дальнихъ странъ текли;
И чисты дѣвы Геликона
Къ подножію Фелицы трона
Вѣнцы лавровые несли.

* * *

Но лавры, генія награды,
Способны громы отражать;
А смерть разитъ сквозь всѣ преграды, —
И ею пала Россовъ мать,
И пали изъ ея десницы
Бразды Имперской колесницы,
И возстеналъ ея народъ!
Но раздалися въ горнихъ трески,
Явились молній часты блески,
Лазоревой раскрылся сводъ.

* * *

Тамъ въ ясной высотѣ эфира
Сліянъ изъ звѣздъ сіяетъ тронъ;
На немъ Творецъ покоясь міра,
Вселенныя хранитъ законъ;
Предъ Нимъ стоятъ глубоки чаши,
Куда втекаютъ слезы наши,
Въ мольбахъ усердныхъ къ небесамъ.
Господь Россіи зря печали,
Изрекъ — и смертные внимали
Его отраднымъ словесамъ.

* * *

„Умѣрь печаль, народъ избранный,
„Съ тобою Я, съ тобою Богъ;
„И Царь, Моей щедротой данный,
„Возвыситъ твой могучій рогъ.
„Другой вѣнецъ Екатеринѣ,
„Другой престолъ готовлю нынѣ;
„Царей лишь небу награждать.
„Монархи кротки, правосудны,
„Свершивъ державства подвигъ трудный,
„Должны въ созвѣздіяхъ блистать.

* * *

„Враги твои да устрашатся
„Твою надежду въ скорби зря;
„И силы Русскихъ утвердятся
„Подъ скиптромъ мудраго Царя.“
Богъ рекъ — Перуны засверкали;
Имъ дальни горы отвѣчали,
Печали скрылась мрачна тѣнь;
Взыграли волны въ спящемъ понтѣ,
Заря блеснула въ горизонтѣ,
Возсталъ для Россовъ новый день.

II.

ОДА

НА ВОЖДЕЛЕННѢЙШЕЕ ВОЗШЕСТВІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I НА ПРЕСТОЛЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Россія томна и уныла
Возстань съ трепещущихъ колѣнъ!
Речетъ Небесный гласъ и сила;
Будь крѣпче адамантныхъ стѣнъ!
Да узритъ духъ твой оживленной,
Что въ радость излилась вселенной
Изъ лона Божія весна.
Сложи ты вретища печальны,
Въ одежды облекись вѣнчальны,
Какъ благолѣпная жена.

* * *

Теките быстро рѣчны воды,
Несите въ глубину морей
Тѣ слезы, лили что народы
У освященныхъ олтарей.

Стремися въ вѣчность ты подобно,
О время! для Европы злобно,
И надъ тобой, чтобъ скорбь скончать,
Простерлась мрачна ночь, безлунна,
Дверь заключилася чугунна,
Забвенья вѣчнаго печать.

* * *

Когда злодѣйствами народы
Правдивы раздражатъ судьбы,
Чтобъ устрашить земные роды,
Горящи въ небесахъ столбы
Явятся въ ночь надъ мрачнымъ боромъ,
Грозятъ имъ гладомъ, бранью, моромъ;
Смятенный вострепещетъ міръ.
Но небо, внявъ мольбы, рыданья,
Прерветъ зловѣщія сіянья,
И радугой блеснетъ въ эфиръ.

* * *

Такъ свѣтлой радугой завѣтной,
Предстала нынѣ намъ весна,
Когда десницею безсмертной
Въ Европѣ кончилась война,
И вмѣстѣ съ миромъ вожделѣннымъ,
Мы АЛЕКСАНДРА возведеннымъ
Увидѣли на Росскій тронъ.
Такъ послѣ бурной непогоды,
Съ полуночи въ морскія воды
Блестящій свѣтитъ Оріонъ.

* * *

Зря АЛЕКСАНДРА на престолѣ
Не дрогни Гангесъ и Евфратъ;
Спокойно утучняйте поле,
Плоды умножа во сто кратъ.

Нашъ АЛЕКСАНДРЪ геройствомъ равенъ
Тому Царю, который славенъ
Побѣдою Индѣйскихъ водъ.
Но бранный духъ, какъ огнь пожара,
Судьбы намъ шлютъ въ часъ гнѣва яра!
Нашъ Царь намъ данъ во дни щедротъ.

* * *

О Россъ! стремися съ восхищеньемъ
Мольбы свои принесть во храмъ,
И воскури съ благодареньемъ
Безцѣнный сердца фиміамъ.
Тобою АЛЕКСАНДРЪ желанный,
Къ блаженству Россовъ Богомъ данный,
Душей и именемъ герой,
Превратность прекратитъ судьбины,
По сердцу внукъ Екатерины,
По образу онъ Геній твой.

III.

ОДА

ГАВРІИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ,

на случай полученія имъ Ордена Св. Анны.

Сей духъ, которымъ ты Державинъ,
Паришь превыше облаковъ,
И Пиндару въ восторгѣ равенъ,
Спокойно внемля трескъ громовъ,
Рукой отважною и смѣлой
Небесный сводъ колебля цѣлой,

Срываешь солнцы съ древнихъ мѣстъ,
Безвѣстные міры разстроя,
Чтобы для Росскаго героя
Вѣнецъ сліять изъ свѣтлыхъ звѣздъ.

* * *

Сей духъ, которымъ ты геройство
Пожарскаго цѣнить возмогъ,
Даетъ тебѣ и славно свойство
Стирать неправды гордый рогъ.
Сѣдяй межъ судіей высокихъ,
Гдѣ въ думахъ тайныхъ и глубокихъ
Свершаются судьбы людей,
На лица не взирая сильныхъ,
Въ рѣчахъ твоихъ отъ чувствъ обильныхъ,
Гремишь ты истиной своей.

* * *

Тебя ль вельможей горделивыхъ
Власть временная устрашитъ?
Для ихъ страстей несправедливыхъ
Опустишь ли ты правды щитъ?
Нѣтъ, нѣтъ, ты вѣдаешь, что Этны
Далеко ужасомъ примѣтны,
И устрашающи моря
Падутъ съ вершиною отважной
Во глубину стихіи влажной:
Ихъ огнь погаснетъ, какъ заря.

* * *

И какъ древа многовѣтвисты
Земныя Царства упадутъ!
Атланта рамена кремнисты
Не вѣчно небо подопрутъ;
И солнцы съ ихъ осей сорвутся,
Блуждая въ бездну понесутся,

Вселенную покроетъ мгла:
Но только въ высотѣ эфира,
Еще среди развалинъ міра,
Пребудетъ истина свѣтла.

* * *

Монархомъ щедрымъ, справедливымъ,
Вознагражденъ духъ нынѣ твой.
Восторгомъ обновленъ щастливымъ,
Неправду попирай пятой,
Чтобы облекшись въ разны виды,
Не смѣла въ храмъ вступать Фемиды,
И мудрыхъ тяготить совѣтъ.
Но въ дни свободны и спокойны,
Бряцай на лирѣ гимны стройны,
Которыми плѣняешь свѣтъ.

IV.

ПЕРЕВОДЪ СТИХОВЪ РАССИНА,

изъ трагедіи: *Эсѳиръ.*

Я нечестивца зрѣлъ землей боготвореннымъ.
Какъ крѣпкій, горный кедръ, челомъ онъ дерзновеннымъ
Надменность возносилъ до высоты небесъ;
Онъ громы похищалъ безбожною рукою,
И подавлялъ враговъ широкою пятою.
Протекъ я мимо, — онъ исчезъ.

V.

ПЕРЕВОДЪ СТИХОВЪ РАССИНА,

изъ трагедіи: *Афалія.*

Гора Синайская, позднѣйшимъ временамъ
Предай Израилемъ день празднуемый нынѣ,
Когда Господь явился Самъ
На огненной твоей вершинѣ;
Когда Его Небесной славы лучь
Предъ взоромъ смертнаго блеснулъ изъ мрачныхъ тучь.
Повѣдай намъ, почто сей огнь и молній блески,
Столбъ дымный, звуки трупъ, ужасный гласъ громовъ,
И воздухъ разсѣкавши трески?
Въ сей день низшелъ ли Саваоѳъ,
Стихіи стройныя въ хаосъ опять низринуть?
Или вселенную со древней оси сдвинуть?
Ахъ, нѣтъ! Онъ низходилъ, чтобъ смертныхъ озарить
Закона мудраго святымъ и вѣчнымъ свѣтомъ,
Постановить единственнымъ завѣтомъ,
Чтобъ искренной душой намъ въ вѣкъ Его любить.

VI.

ГИМНЪ БОГУ ЛЮБВИ.

О богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленной,
Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

* * *

Вотще, какъ брегу яры воды,
Такъ разрушенье намъ грозитъ;
Отъ истощенія природы
Благій законъ твой міръ хранитъ.

* * *

Вотще духъ алчности и злобы
Стремится въ наши времена
Преобратить всѣ царствы въ гробы
И поглотить всѣ племена.

* * *

По бороздамъ опустошенья,
Гдѣ духъ вражды лилъ страхъ и кровь,
Ты разливаешь наслажденья
И населяешь землю вновь.

* * *

Вотще воитель ставитъ твердый
И пышный столбъ своихъ побѣдъ;
Рукою Кронъ немилосердый
Сотретъ столба послѣдній слѣдъ.

* * *

Вотще и ты свои злодѣйства
Мечтаешь въ тайнѣ скрыть, тиранъ;
Кронъ мракъ советъ и съ тайнъ семейства,
Какъ вѣтры рвутъ съ морей туманъ.

* * *

Безъ дѣлъ премудрыхъ, благородныхъ,
Честь наша насъ не переживетъ,
И лишь въ проклятіяхъ народныхъ
Тирановъ имя перейдетъ.

* * *

Не скроетъ имя и гробница;
Нероновъ прахъ клянетъ весь свѣтъ:
Ты матери своей убійца,
Тебѣ и днесь покоя нѣтъ!

* * *

Блаженъ владыка, кто не страхомъ,
Любовью правитъ свой народъ;
Благословеніе надъ прахомъ
Ему возшлетъ позднѣйшій родъ.

* * *

О богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленной
Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

VII.

РАСЧЕТЛИВАЯ ПАСТУШКА.

Не знавшая любви, ни власти, ни закона,
Не знавшая овецъ исправно перечесть,
Филлида нѣкогда отъ страстнаго Дамона
За поцѣлуй одинъ взяла овечекъ шесть.

* * *

На завтра ставъ милѣй Филлидину сердечку,
Щастливѣе Дамонъ въ своемъ промѣнѣ былъ:
Пастушкѣ далъ одну сиротинку овечку,
И поцѣлуевъ шесть съ Филлиды получилъ.

* * *

На завтра къ пастуху пастушка понѣжнѣе,
Совсѣмъ другой расчетъ съ Дамономъ повела:
Чтобъ привязать его къ себѣ еще сильнѣе,
За каждый поцѣлуй ему овцу дала.

* * *

На завтра же, увы! Филлида бы охотно
Свой посохъ отдала, собаку и овецъ,
За поцѣлуй одинъ, которыми безсчетно
Лизету сталъ дарить невѣрный ей бѣглецъ.

VIII.

Басня.

ОСЕЛЪ и СОБАЧКА.

Не будемъ вопреки способностямъ природнымъ
Искать несвойственныхъ намъ къ щастію путей.
Природа неравно ущедрила людей:
Одинъ родится въ свѣтъ къ художествамъ свободнымъ;
Другой къ простому ремеслу.
Пусть каждый съ долею своею остается,
И онъ не ошибется,
Какъ-то случилося ослу:
Однимъ хозяевамъ съ потѣшницей большою,
Съ собачкою оселъ служилъ.
Сравнивъ ея судьбу съ своею онъ судьбою,
Въ лукавый часъ неловко разсудилъ.
За что собачка такъ мила всему здѣсь дому?
Съ тарелки кушать ей, изъ чашки пить даютъ,
А мнѣ лишь жалуютъ овсяную солому,
И въ барыши меня за службу только бьютъ.
Когда на заднія собачка ножки станетъ,
И лапочку хозяину протянетъ,
Хозяинъ такъ ей радъ, беретъ ее съ собой;
Когдажъ хозяюшку она лизнетъ разочикъ,
Хозяйка сахарцу ей удѣлитъ кусочикъ,
А сахаръ ныньче дорогой!
Собачка ластится, вотъ тутъ и вся причина.
Такъ выберу веселый день,
И приласкаюсь самъ: улучшится судьбина,
Пойдетъ и мнѣ тогда ячмень,
И можетъ быть мою понѣжатъ лѣнь.
Въ сей мысли крайне безтолковой,
Завидѣвъ издали хозяина съ обновой,

Оселъ бѣжитъ, и передъ нимъ
Ставъ дыбомъ, онъ ему кладетъ тяжелу ногу
На правое плечо: горланьемъ же своимъ
На весь наводитъ дворъ и пущую тревогу.
Хозяинъ закричалъ: что сдѣлалось съ тобой?
Какая ласка и потѣха!
Иль сталъ ты скотъ ужъ прямо круговой?
Гей! дайте плѣть сюда для смѣха.
Явилась плѣть; оселъ перемѣнилъ напѣвъ,
И отшагалъ смиренно въ хлѣвъ.

IX.

Басня.

ВОЛКИ и ОВЦЫ.

У племени волковъ и племени овецъ
Велась война чрезъ тысячныя лѣта.
Соскучившись они, рѣшились наконецъ
Миръ вѣчный заключить, не собиравъ совѣта,
По обстоятельствамъ, чтобъ время не терять,
Сошлись вожди, велѣли написать
На гербовыхъ листахъ подробны договоры,
И приложить большую къ нимъ печать,
И по обряду размѣнять.
Притомъ еще, чтобы впередъ у нихъ не вышло ссоры,
Одни для вѣрности въ закладъ
Волчонковъ отдали, своихъ любезныхъ чадъ;
А овцы сущи простофили,
Въ залоги отпустили
Собакъ, своихъ друзей
И старыхъ сторожей,
Которые, какъ миръ дѣла окончилъ ратны,
Остались праздны и зашпатны.

И такъ, во всемъ краю настала тишина,
Свобода рѣзвая на пажитяхъ видна;
Ужъ волки на овецъ вдали лишь скалятъ зубы
И пастухи волковъ не ходятъ бить на шубы;
Казалось, что сошелъ на землю вѣкъ златой.
Волчонки между тѣмъ повыросли матеры,
Въ умѣ у нихъ одинъ разбой,
И стали какъ отцы, прямые живодеры.
Лишь только пастуховъ спустили со двора,
Сіи залоги клятвъ и договоровъ мирныхъ,
Какъ съ словомъ, намъ домой пора,
Напали на ягнятъ: на лучшенькихъ, на жирныхъ;
И пастію ихъ мчатъ подъ тѣнь глухихъ лѣсовъ.
Тамъ волчій весь народъ принять ихъ былъ готовъ.
Собаки лишь о томъ не знавъ, и безъ печали
Надѣявшись на миръ, спокойно почивали,
(Гдѣ нѣтъ заботъ, тамъ крѣпокъ сонъ)
И волки ихъ отнюдь не разбудили,
А подведя сильнѣйшаго законъ,
Ихъ просто сонныхъ задавили.

Безъ устали, друзья, пойдемъ войной на злыхъ!
Залоги пагубны и ложны клятвы ихъ.
Когда тамъ миръ бываетъ прочнымъ,
Который заключенъ съ безсовѣстно-порочнымъ?

Bayerische
Staatsbibliothek
München

X.

ГРАФУ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАМЕНСКОМУ. (*)

Щастливый, Русскихъ вождь, достойный сынъ героя,
Который указалъ тебѣ къ безсмертью путь!
Прими сей даръ въ часы, когда ты послѣ боя,
На свѣжи лавры вновь возсядешь отдохнуть.
Я пѣлъ Ахилловъ гробъ, и почести отъ Грековъ,
Какъ браней божеству возданныя ему;
Но пѣснь внимать въ хвалу безстрашныхъ человѣковъ
Кому пріятнѣе, какъ духу твоему?
Не ты ль принесъ орловъ Россійскія Державы
Въ непроходиму дебрь, покрыту вѣчнымъ льдомъ,
Гдѣ надъ пространствомъ тундръ лишь гулъ звучалъ ихъ славы,
Куда не ширили полета и съ Петромъ,
Гдѣ нынѣ ожилъ Финъ въ тѣни ихъ крылъ могучихъ?
Не ты ль еще предъ симъ, когда Европы врагъ
На Пруссовъ громъ навелъ, не ты ль въ пескахъ сыпучихъ
Остановлялъ его почти чрезъ каждый шагъ?
И тамъ, и здѣсь, вездѣ съ мечемъ ему встрѣчался,
И Галловъ изумлялъ твой быстрый всюду ходъ.
Въ наукѣ ратовать ты имъ волхвомъ казался;
Заставилъ гордость ихъ чтить Русскихъ воеводъ.
Мужайся! простирай свой бѣгъ къ побѣдамъ новымъ,
И будь страшилищемъ отечества враговъ;
Россія наградитъ тебя вѣнцемъ лавровымъ,
И честь твою вѣкамъ предастъ языкъ боговъ.

КОНЕЦЪ.

(*) Сіи стихи писаны въ концѣ 1809 года. Авторъ Поликсены намѣренъ былъ сію трагедію посвятить герою Сафвара и Батина; но не успѣлъ за его преждевременной кончиной.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ozerov, Vladislav A.

Sočinenija V. A. Ozerova

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1819

P.o.rel. 3332-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036366-3